

**Военные
Приключения**

ОХОТА ЗА ПРИЗРАКОМ

ВЯЧЕСЛАВ БЕЛОУСОВ

Военные приключения

Вячеслав Белоусов

Охота за призраком

«ВЕЧЕ»

2015

Белоусов В. П.

Охота за призраком / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Военные приключения)

Непростые дела приходится распутывать следователю Даниле Ковшову и его коллегам. Как объяснить неожиданное воскрешение застреленного уголовника? Кто стоит за небывало жестоким убийством? Но «следак» Ковшов не упустит тонкой ниточки, попавшей в его руки. А она тянется и переплетается с другими преступлениями, в том числе и теми, которыми занимаются сотрудники Комитета государственной безопасности...

© Белоусов В. П., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Охота за призраком	5
Так это начиналось	5
Возвращение в «Эдем»[1]	6
Стратегия и тактика	25
Когда жизнью правит судьба...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вячеслав Белоусов

Охота за призраком

Охота за призраком

Так это начиналось

Южная ночь черна и коротка.

Вот и эта – в крошечной тьме, на небе ни луны, ни звёздочки, только успела злобная тень с двуствольным ружьём в лодке укрыться в зарослях чакана, а всплески летнего рассвета уже зацвели по воде, летящей в быстром течении стремительного речного потока.

Но тот, кто поспешил, успел. Приговоренные им к смерти только-только осторожно подбирались к засаде. Судьба и расчёт опытного ловца вели их в руки возмездия.

Словно призрак бударка с двумя силуэтами проскользнула в туманной дымке мимо стережущего её охотника и развернулась против течения и едва приметных вешек, качающихся на плаву. Здесь, в этом заветном месте, начиналась одна из засекреченных снастей с гирляндой страшных стальных крючьев, предназначенных единственной рыбе на Каспии, получившей в народе особую привилегию именоваться «царской». В эти места не имел права доступа никто, обитающий поблизости на воде и суше. Но эти двое нарушили неписанный запрет, давно и сознательно они пренебрегли грозным табу, установленным однажды для всех и навсегда. И сейчас, не подозревающих ничего, их ждала расплата.

– Ликсеич, может, перекурим? Сколько плутали, пока нашли. Опять они их переставили. Руки ломит от вёсел, – кошачьим мягким голосом шепнула одна тень другой.

– Ты что, дурило, поспешать надо! – сердито одёрнул щуплого товарища названный Ликсеичем.

Был он громоздким, неуклюжим, словно медведь, занимал чуть ли не половину бударки.

– Глянь, рассвет нас нагоняет, – «медведь» вытянул лапу, – дай, там у тебя темляк был.

Не дождавшись, он оторвал голову от днища лодки, где что-то отыскивал и поднял её на товарища. Но тот, не видя его, выпучив глаза с раскрытым от ужаса ртом, уставился, тыча рукой ему за спину.

– Погодь, погодь! Что это? – шептали его трясущиеся губы.

Больше ничего произнести он не успел. Сзади «медведя» прогремел выстрел, оглушительный в мёртвой тишине ночи. Заряд обжёг плечо, распорол брезентовую куртку на щуплом и ворвался в грудную клетку любителя покурить, опрокинув его на спину.

«Медведь» сделал попытку развернуться в сторону звука и огня, но второй заряд с нечеловеческой силой ударил его в грудь. Ни испуга, ни боли он не почувствовал.

Спустя секунды один за другим те, что мгновения назад что-то замыслили, думали, разговаривали, тяжёлым грузом сорвались за борт лодки, выброшенные жёсткими цепкими клещами рук, и понеслись под водой ко дну навстречу вечности и тьме...

Возвращение в «Эдем»¹

Ковшов бережно помог Зининой выбраться из нутра вертолѐта, спуститься по лестнице в густую по колено зелень, отмахивая россыпь мошек и комаров. Стройная блондинка, совсем замолодившись в мужской компании, на последней ступеньке задержалась, будто задумалась, выбирая, кому отдать предпочтение из протянутых летунами рук и, блеснув изящными ножками, прыгнула в объятия Ковшова. Лѣтчики сделали вид или не заметили его ошалелую неловкость, Зинина же, благополучно перекочевав на землю, уже прикуривала папироску у сияющего белозубой улыбкой молоденького старлея адъютанта Даленко. Комиссар с прокурором области ещё висели в воздухе, они прибывали вторым вертолѐтом.

– Ковшов, ты никак грехов-то здесь понаоставлял? – крикнула Зинина, пересиливая шум не остановившихся ещё крыльев – винтов. – Не дают они тебе покоя, домой зовут.

– Друзей здесь оставил, Зоя Михайловна, – засмеялся Ковшов. – Они и держат.

Он всмотрелся в большую группу людей, поджидавших невдалеке вертолѐты, разглядел среди милицѣйских и гражданских пиджаков радостно махавшего ему рукой долговязого Дынина. Там же синел мундир Боброва, мелькал Зябликов. Они прибыли к месту происшествия по воде значительно раньше городских, опередив военные «вертушки». Несколько катеров величаво покачивалось на волнах у берега острова.

Не успев приземлиться, высокое начальство, намаявшееся в жарких вертолѐтах и оглохшее от шума винтов, приняло демократическое решение: оперативную «пятиминутку» по поводу местного «чепе» провести тут же, на обласканной растительностью привлекательной лужайке. Комиссар отдал уже команду своим подчинѣнным, забегал-засуетился так и не прекращающий улыбаться его любезный адъютант, однако начинающуюся суматоху решительно прервал Каримов. Подполковник, заметно поседевший, высокий и поджарый, выделяющийся офицерской выправкой, лихо щёлкнул каблуками сапог, откозырял и широким жестом пригласил Даленко и Игорушкина пожаловать за ним в неприметную за высоким кустарником и чаканом избу, служившую приютом деревенских рыбаков. Как ни заманчива была зелёная и свежая поляна, но чистота и уют избы, вместительные её хоромы, крепкий деревянный стол с длинными рядами скамеек, а главное, прохлада и отсутствие мошкары оказались соблазнительней.

Пока размещался штаб, шли приготовления, Ковшов успел обняться с Ильей, пожать руки Боброву, пообщаться со многими знакомыми, поздороваться, переговорить. Из того, что ему было уже известно до полѐта, из услышанных здесь суждений и реплик с достаточной очевидностью вырисовывалась картина ночного происшествия.

Неизвестные, вероятнее всего, не более двух-трѣх человек, предприняли попытку похитить улов рыбаков, чем неоднократно занимались ранее, проверяя колхозные оханы² и ставные сети. Хозяева, отчаявшись, организовали охрану, на которую и наткнулись воры. В конфликтной ситуации один получил огнестрельное ранение, оказавшееся смертельным. Его тело угодило в невод рыболовецкого звена сегодняшним днѣм во время первого замѣта.

Вторая версия выглядела несколько иначе, но от первой отличалась единственно тем, что будто бы за сети рыбаков схлестнулись две шайки жуликов. В разборке стороны понесли потери. Одного из погибших поймали неводом. Ни жулики, ни охранники пока не установлены.

Начальник милиции тут же по получении сообщения проинформировал недавно назначенного в район первого секретаря райкома партии. Тот с ходу доложил Боронину в обком. «Сам» поднял на ноги областное начальство милиции и прокуратуры, что делал весьма редко,

¹ Эдем – в библейской мифологии страна, где обитали Адам и Ева до грехопадения, синоним рая.

² Сеть для ловли белуг (каспийск.).

если ни в исключительных случаях. Заострил – путина набирает темпы, необходимо тщательно разобраться, найти виновных и обязательно пресечь любые попытки тормозить лов рыбы, надо оберечь рыбаков от всякого жулья и бандитов. Тем более, колхоз один из передовых рыбацких хозяйств, да и в области не из последних. Председатель колхоза – член обкома КПСС, ему следует оказать содействие.

Среди нашедшихся тут же комментаторов злые языки судачили, – новый и молодой секретарь райкома, хотя и был только назначен на должность, сумел враз привлечь к себе внимание «самого». Даже худую весть сообразил использовать с выгодой. Если убитый – жулик, а скорее всего, так оно и есть, секретарь уже замолвил словечко в защиту колхозного добра и члена обкома.

Ковшов помнил председателя колхоза. Он попытался отыскать его среди лиц, рассаживающихся на скамьях за большим столом. К своему удивлению, заметил рядом с Каримовым второго секретаря райкома партии, отвечающего за сельское хозяйство, ну и, естественно, за рыбодобычу в районе, но найти того, кого искал, не смог. Не таков был председатель колхоза, чтобы оказаться незамеченным, к скромным и застенчивым он никогда не относился, следовательно, его здесь попросту не было.

Между тем Зинина, устроившись поближе к прокурору области и разложив на столе блокноты, уже подавала знаки поторапливаться, кивая на занятое ему рядом с собой место. Ковшов отсалютовал вежливым отказом, он предпочёл соседство с местными оперативниками, которых представлял вездесущий Квашнин и невозмутимый аксакал районной уголовки майор Камиев. Опытный народ, они засели на вторые ряды, подальше от начальства.

Игорушкин, хмуро оглядывая рассаживающуюся и галдящую публику, кивал едва заметно знакомым, занятое любопытство мелькнуло у него, когда среди милицеевских мундиров он остановился на Ковшове.

Даленко попытался поднять Каримова для доклада, но прокурор остановил его коротким жестом, расслабил чёрный галстук, жёстко стягивающий воротник белоснежной рубашки на его крепкой шее, и ещё раз оглядел сидящих за столом. Китель сковывал генералу его могучее тело, он повёл плечами, словно желая высвободиться. Зал был мал, а аудитории не так много, чтобы этот откровенный жест скованного гиганта остался незамеченным для всех. Слабонервные прижали головы в предчувствии треска рвущейся ткани кителя, но услышали глухой раздражённый рык прокурора:

– Я думаю, Маркел Тарасович начнёт, – тяжёло глядя исподлобья, выдавил из себя Игорушкин, – а начальник милиции дополнит при надобности. А, Маркел Тарасович?

И Боброва мгновенно подбросило вверх. Ковшову почему-то стало его жаль. Он, извинившись, потеснил впередисидящего соседа, выложил на стол фотоаппарат, вручённый ему в поездку криминалистом, но стол оказался совершенно пустым, даже Зинина невеста когда успела спрятать с его поверхности свои яркие блокнотики и застыла, поедая глазами прокурора области. Ковшов автоматически торопливо убрал фотоаппарат со стола на колени и легонько ткнул Квашнина:

– Где твои-то? Что-то никого из уголовки не вижу.

– Пока начальство в Филях совет держать будет, мои отпашут и отсеются, – с улыбкой шепнул ему капитан.

– Ну-ну. Посмотрим, что соберут.

– К концу совещания все и соберутся. Хочешь поучаствовать и послушать?

– Если начальники отпустят, не откажусь.

– В новом качестве, Данила Павлович, нескольким господам служить приходится?

– Служим мы все, Пётр Иванович, одному господину, его величеству закону. Учил, учил я тебя, капитан, но, видно, быстро мои уроки из твоей головы выветриваются.

Так, беззлобно переругиваясь, коротали они время, дожидаясь начала совещания.

Между тем нехорошая тишина нависла над столом.

Ковшов силился понять, что значит в поведении Игорушкина эта столь заметная напускная жёсткость. Неужели прокурор решил спустить гнев за совершённое убийство, упрёки и поучения, выслушанные и проглоченные от партийного бонзы, на своего подчинённого? И сделать это в присутствии милиционеров, младших и по должности, и по званию! Показать, что он может быть жестче и круче своего коллеги милицейского, карать страшнее, нежели сам прославившейся этим комиссар!

Игорушкин, дожидаясь доклада от собиравшегося с мыслями и нервами Боброва, снова заскользил пустыми глазами по сидящим за столом. Кто-то обронил карандаш или ручку, предмет гулко ударился об пол. Никто не пошевелился. Ковшов ждал, когда Игорушкин упрётся взглядом в него, дождался и на этот раз не опустил глаз.

Прокурор области отвернулся, распахнул пиджак, перевёл глаза на адъютанта комиссара, одиноко торчащего посреди избы – ни у порога, ни за столом руководителей, неожиданно хмыкнул ему, вроде как изобразив улыбку, и сказал другим тоном:

– Что же ты согласился, мил-человек, нас с комиссаром со свежего воздуха в этакую бодягу загнать?

И не услышав ответа от оцепеневшего старлея, скинул с себя китель и бросил ему на руки.

– Ну-ка, брат, повесь где-нибудь, чтобы совсем не вымокло имущество от пота. Жарко у тебя, прокурор, – обернулся он затем к Боброву. – Давай, докладывай, что с климатом в районе твориться стало.

Стремительное изменение поведения Игорушкина, столь неожиданная игра с кителем, в особенности употребление в разговоре ставшего знаменитым выражения «бодяга», произвели должное впечатление. Сидящие за столом обмякли, расплылись в улыбках, задвигались, затолкали друг друга локтями. Когда же прозвучало слово «климат» с нарочитой модуляцией и ударением в произношении, над столом прогулялся откровенный смешок. Одни смеялись, зная причину, другие за компанию, а некоторые на нервной почве. Многим, даже комиссару, была известна морская страсть Боброва. Он крякнул и улыбнулся, поддерживая внезапную доброжелательность прокурора области, и совещание началось, а затем поехало-покатилось по налаженной колее в набивших оскомину наставлениях, фразах и традиционных «примочках», когда те, кто выше по должности, всегда умны и правы, а исполнители спотыкаются на ясной дороге...

Однако главное от этой встречи уже надолго, если не навсегда, засело в сознании многих присутствующих – это был жёсткий рык прокурора области, в котором как бы случайно блеснуло остриё и неотвратимость дамочкова меча...

Капитан милиции Квашнин, заскучавший сразу через десять – пятнадцать минут после начала совещания, пробовал разглядывать собравшихся за столом, гадая, кто здесь из какого ведомства и чем может быть полезен, скоро утратил интерес к этому занятию и перешёл на изучение снастей и сетей, во множественном количестве развешанных на стене избы и хранившихся по углам. Потом он слегка подремал, а очнувшись от докучливых мух, толкнул локтем в бок Ковшова, который сосредоточенно делал пометки в своём блокноте время от времени.

– Данила Павлович, останешься сегодня с нами или уедешь с Бобровым в район?

– Я, может быть, сразу в город махну, – оживился Ковшов. – Ты не допускаешь такого развития событий? Эта деревенская жизнь – во, где у меня засела!

И он жестом отметил до каких частей тела достала его прежняя жизнь в районе. Судя по отметине, крестьянская доля оказалась памятной.

– Что мне у вас оставаться? Собственный резерв вы мобилизуете, соберётесь, и, как говорится, – вперёд и с песней! Завтра убийцы предстанут перед судом.

– Нет, Данила Павлович, хоть ты и начальство теперь, но позволь тебя поправить, в этом ты глубоко ошибаешься, – в тон Ковшову балагурил Квашнин. – Убийство преднамеренное,

пока верный «висяк», по горячим следам не раскрыто, работы полно. И козе понятно, что вашей обворожительной блондинке Зининой ночевать здесь не в кость. «Бодяга» её с собой на крыльях увезёт. А тебя оставит. Боюсь не на один день. Комаров покормишь с нами. Учить нас, деревню, кто будет?

– На вас и Зябликова хватит, – лениво отпарировал Ковшов, хотя ещё задолго до того, как садился в вертолёт, считал вполне реальным шанс засесть в районе.

Не просто так покататься на «вертушке» взял его с собой Игорушкин вместе с Зининой. Зинина по форме положена генералу для выездов; старший следователь, есть старший следователь: зафиксировать убийство, собрать доказательства, что на поверхности лежат, тут же принять решение, если преступник установлен. Это и называется среди милицеевских оперативников: «раскрыть преступление по горячим следам», даже в статистике графа отчётности такая есть. А в этом случае, что сейчас обсуждался, до раскрытия преступления семь вёрст да всё лесом.

– Что, не по плечам ноша? – завершил безобидное ехидство Ковшов. – Слабо вам с Зябликовым убийцу отыскать? Без городских-то ни тпру ни ну!

– А к чему же такой колхоз? Что вас понагнали на наши шеи? Зазря кормить никого не будем, – по-хозяйски стоял на своём неугомонный капитан милиции. – Небось одной ухи сожрёте не один котел!

– А что, и уха будет? – в свою очередь, шутил Ковшов. – С этого и надо было начинать.

Квашнин прыснул в кулак, давась смехом.

– Тихо ты, – толкнул его Ковшов, – соседей разбудишь.

Между тем Бобров давно уже закончил доклад о происшествии. Каримов дополнил прокурора района немногим.

По существу, милиция ещё не успела развернуть настоящую оперативную розыскную работу по выяснению обстоятельств причинения телесных повреждений утопленнику. Скудная информация имелаась и о личности. Опознали его как жителя соседнего села. Давний браконьер, был судим за скуп рыбы осетровых пород каким-то из районных судов. Отбывал наказание в местах лишения свободы. Освободившись, в селе проживал без семьи, но здесь, близ тони, мелькал часто, особенно с начала путины. В рыбацких звеньях не работал. К колхозу отношения не имел. Родственники его не объявлялись, да и рано ещё.

Подняли Дынина, представляющего ведомство Югорова, начальника областного Бюро судебно-медицинских экспертиз. Илья, выступающий сразу в двух новых качествах и прежде всего как эксперт, стал поначалу мямлить, покрываясь испариной и краснея, но когда дошёл наконец до результатов поверхностного осмотра трупа, заговорил нормальным человеческим языком. Ковшов облегчённо вздохнул – не успел получить патологоанатом внушение от прокурора области, хотя по лицу заметно было: начинал тот морщиться, словно от зубной боли.

Совсем плохо стало, когда слово дали секретарю райкома, беспокойно ёрзающему в белых штанах на скамейке рядом с Каримовым и словно в конвульсиях тянущему вверх руку, как только заканчивал говорить очередной выступающий.

– Камиев, – толкнул локтем неугомонный Квашнин своего задремавшего соседа майора, – очнись, дружище. Проспишь самое важное, сейчас он нас высоким удоям начнёт учить. Что ночью-то делал?

– Выполнял особое поручение Маркела Тарасовича, – нехотя открыл глаза, потянулся, ломая рот в сладкой зевоте, майор.

– Что за поручение? – полюбопытствовал Ковшов.

– Небось Бобров глушитель потерял где-нибудь на пароме от своей «победы», а его искать заставил, – съехидничал Квашнин.

– Тебе всё шутки, Пётр Иванович, – надулся Камиев. – Тут дело серьёзное. Маркел Тарасович опять оленя потерял. Уже вторые сутки бьюсь, найти не могу. Неудобно даже. Спросит сегодня, а у меня нечем утешить. Уж очень он расстраивается.

– Какого оленя? – удивился Ковшов.

– Да с «победы» его. На капоте привинченный был, фирменный знак «Волги». Дорогая вещь. Главное, редкая. В единственном экземпляре. – Камиев от души переживал. – Мне раньше видеть приходилось. Чистым серебром отливается!

– Разыгрываете, черти! – Ковшов не знал, верить – не верить.

С опереточной ситуацией не вязалось хмурое лицо нелюбителя шуток майора.

– Какие тут розыгрыши, Данила Павлович, – насупился ещё сильнее Камиев. – Я обещал найти. У меня в кусте ещё ничего не пропадало.

На так называемые «кусты», для удобства в оперативно-розыскной работе, Каримов, любитель всяческих творческих усовершенствований, ещё в первое время своего прихода в райотдел милиции, условно разделил всю территорию района. На каждый такой «куст» назначил старшими оперативниками наиболее опытных сыщиков. Как правило, люди, сюда назначенные, со временем переезжали постоянно жить на новое место с семьями. А затем и совсем приживались. Работе это заметно помогало. Такой начальник имел информацию со своего «куста», и люди, узнавая его ближе, больше доверяли милиции. Это были те же участковые, но рангом и обязанностями на голову выше. У майора Камиева в состав «куста» входили территории больших многонаселённых четырёх сёл. Сплошь рыбаки. До Каспия рукой подать. Меньше часа на лодке. Село, где располагалась база Камиева, когда-то в давние годы даже было районным центром.

– Ты, майор, сначала убийцу найди, а потом об оленьих рогах думай, – беззлобно сдохмил Квашнин. – Рога тебе твоя жена Светка примастрячит.

За обидные выходки Квашнин, хотя и старший по должности, получил тумак в бок от подчинённого и на этом, удовлетворённый, успокоился. А Камиев повернулся к Ковшову и зашептал тому на ухо:

– Я тут с толком прихрапнул, Данила Павлович, у меня уже кое-какие соображения по этому убийству сосредоточились. Я вам доложу после этой «пятиминутки».

– Надо будет обсудить, – не возражал Ковшов.

– На троих? – опять очухался Квашнин.

– Не без этого, – Ковшов переместился на скамье, давая понять, что с шутками закончил и серьёзно взглянул на замначальника районной милиции. – Вы после этого совещания не разбегайтесь, собери, Пётр Иванович, своих ребят. Камиев, Зябликов будут нужны. Дождитесь меня. Я руководство провожу, и сядем покумекаем вместе, что делать. Ну а если улечу, не взыщите.

Секретарь райкома бодро рапортовал о положении сельского хозяйства в районе; действительно, упомянул о надоях на фермах и урожае на полях, уделил достойное место в этом колхозу «Маяк Ильича» и его дружному производственному коллективу, но под хмурым взглядом прокурора области, когда собрался перебираться к процентам вылова частиковых рыб, голос его всё-таки подвёл, стал сдавать и совсем осип. Пока докладчик искал воды на столе, чтобы промочить истерзанное сочрапортом горло, присутствующие передохнули, а он неожиданно сел и больше уже, судя по всему, вставать не собирался. Вид у него был тоже, как у всех, утомлённый, но довольный от исполненного долга.

Каримов вытолкнул было выступать инспектора по охране рыбных запасов кудрявого Игралиева, но его инициативу осадил повелительным взглядом комиссар.

Пар был выпущен. Силы докладчиков иссякли. Игорушкин начал подводить черту.

Любил ли сам прокурор области такие совещания? Испытывал ли к ним симпатии комиссар милиции? По выражению их лиц разобраться Ковшову было трудно. Они были великие

артисты в этом деле и, конечно, большие профессионалы. Во всей этой бутафории, скорее всего, они свято верили одному – придать разгон и уверенность в своих силах подчинённому контингенту может только кнут, который дан им в руки. Кнутом была почти полная и безграничная власть, выраженная только что обоими начальниками в грозных речах и репликах.

Совещание закончилось. Офицеры и гражданская публика стоя освободили выход прокурору области и комиссару милиции, сопровождаемым Бобровым и Каримовым. За ними заспешили остальные, торопясь к свежему воздуху и под яркое солнце, направляющееся уже к горизонту. Ковшов, подталкиваемый локтями недавних земляков, вывалился на волю. Огляделся, народ не расходился, кучкуясь по знакомым и по служебным интересам.

Игорушкин, распрощавшись с Даленко, которого Каримов и секретарь райкома заботливо повели к белым катеркам на воде, остывал от совещания, лениво, в своей манере беседуя с Бобровым. Тот по обыкновению что-то живо рассказывал, размахивая руками. Рядом грустила Зинина, едва справляясь с желанием скрыться с глаз начальства и выкурить папироску. Лётчики вертолётных экипажей поджидали невдалеке. Маячил поблизости от Боброва следователь Зябликов с папкой в руках, готовый рапортовать по первой команде шефа. Тут же грустил Дынин, уныло посматривая на грузовик с утопленником, поджидавшим его. Ковшов кивнул эксперту, мол, задержись, и направился к прокурору области.

Явно устав от лихого повествования Боброва, Игорушкин обрадовано обернулся к Ковшову, хмыкнул добродушно, развёл руками и сказал, будто продолжая недосказанное за столом:

– Ну что? Задача ясна? Тебе и придётся раскрывать. Как говорится, здесь, главное, по горячим следам...

«Следов-то как раз и никаких», – в меланхолии автоматически подумал про себя Данила, но промолчал.

– ...Ты формируешь на месте оперативную бригаду. С комиссаром и начальником милиции я согласовал. Отбери нужных людей. Все в твоём распоряжении. Вот, Маркел Тарасович, тоже твой теперь помощник будет. Поменялись местами, – опять хмыкнул Игорушкин, – то ты у него, теперь он у тебя в подчинении. Временном, временном, не радуйся особо...

Он, довольный каламбуром-шуткой, хлопнул по плечу Боброва, потом наградил таким же хлопком Ковшова.

– Мне докладывать регулярно, по мере поступления новостей. Дело на контроле в обкоме партии, – прокурор области многозначительно окинул взглядом обоих своих подчинённых – и прокурора района, и прокурора следственного отдела.

Ни улыбки, ни намёка шутить и улыбаться на его лице уже не было видно. Но паузу особенно затягивать не стал. Неожиданно перевёл разговор на другое:

– Тут, Маркел Тарасович перекусить предложил, ты как, присоединишься?

Зинина незаметно толкнула задумавшегося Ковшова – соглашайся!

– Спасибо за приглашение, Николай Петрович, – опустил глаза Ковшов, – я хотел с экспертом ещё раз переговорить, ему труп везти надо. Испорчу вам аппетит.

– Ну давай, занимайся, – одобрил Игорушкин, – полагаю, к концу недели картину прояснить удастся. Мне комиссар сообщил, что тут начальника районного кагэбэ сменили. Его фамилия, кажется, Царапкин. Да, старший лейтенант госбезопасности Царапкин. Ты его тоже привлекай по мере необходимости. Без оперативной работы в этом случае мало что сделаешь. В общем, мобилизуй все силы. А я с его руководством эти вопросы решу.

Ковшов не уловил смысла сказанного. При чём здесь Комитет госбезопасности и этот Царапкин, сменивший Усыкина? Убийство, конечно, не бытовое, но к компетенции известного ведомства никакого отношения оно явно не имело. Однако прокурор области не позволял себе произносить лишних и тем более ненужных слов, а эти он произнёс. И сделал это не один на

один, а в присутствии Боброва. Следовательно, если не понял намёка, надо будет подумать ещё...

– Где базироваться собираешься?

– Пока не решил, Николай Петрович.

– Я смотрю, ты с ребятами из райотдела всё совещание просидел... Это хорошо, что их не забываешь и они тебя помнят.

Ковшов слушал и не узнавал Игорушкина. Это был не тот человек, который в двух шагах отсюда только что проводил «пятиминутку», обернувшуюся жёсткой, но набившей оскомину показухой. В нём не было и признаков того, что господствовало за столом в избе и гнётом придавливало душу. Захотелось почесать затылок: в театре короля спектакль играет свита, а здесь перед ним, похоже, театр абсурда – король сам играет весь спектакль. И где он сам? Настоящий? Здесь, в разговоре с ним? Или там, властвующий за столом?

– Веди, Маркел Тарасович, – отвернулся тем временем прокурор области от Ковшова, – Зоя Михайловна, не отставай. Нам ещё лететь назад. Оглох я от этих погремучек. Максим Иванович, присоединяйтесь к нам!

Прокурор махнул рукой командиру вертолёта:

– Перекусить нас приглашают, уверяют, что на пустой желудок лететь хуже.

Неизвестно с чего повеселевший, Квашнин уже подходил к Ковшову с несколькими парнями в гражданской одежде. Опытный взгляд Ковшова без труда высмотрел служивую выправку здоровяков из «уголовки». Камиева среди них не наблюдалось, но знакомые лица быстро восстанавливались в памяти.

– Я что тебе говорил, Данила Павлович? – издалека ухмылялся Квашнин. – Тоска по родным краям сильнее тепла городской постели?

– Да, «дым Отечества нам сладок и приятен», – потянул носом Ковшов.

Воздух откровенно портился на глазах, насыщаясь запахом горелого дурственно-сладкого навоза.

– Не обращайтесь внимания, – успокоил его Квашнин, – забылась уже местная профилактика насекомых? Это рыбаки за избой кучу по ветру запалили. От комаров верное средство.

– Да уж, шефу к ухе как раз, – пробурчал больше для себя Ковшов и посочувствовал Зининой, – думаю, он здесь особенно не задержится. И Бобру напомнит потом не раз.

А сам, увлекая за собой Дынина и остальных, начал подыскивать место посвежее, уходя с ветра.

– Совещаний устраивать не будем. По сегодняшнему дню здесь разберёмся. Понял, Пётр Иванович, а то день заканчивается у вас, я смотрю, быстрее, нежели в городе. – Ковшов упёрся в капитана требовательным глазом командира.

– И не забудь, Данила Павлович, – ехидно не удержался от привычки вставлять комментарии Квашнин, – свет отключают на деревне с заходом солнца, после работаем только при лучине, как Арина Родионовна. И потом: где же кружка, чтоб сердцу было веселей!

– Помню. И кружку подыдем, – остановил велеречивого капитана Ковшов. – Сегодня каждый работает по индивидуальной программе. Надеюсь, Пётр Иванович, ты ребят озаботил?

– Не сумлевайся. Мои орлы знают, что искать.

– Ну, вот и хорошо. Сейчас отправим Илью. Ему с трупом в грузовике на пароме плыть, а там ещё пиликать до райцентра. Засветло, думаю, доберёшься, – Ковшов повернулся к Дынину. – Но завтра к обеду, эксперт, мне нужна полная информация о результатах вскрытия. Сделаешь?

– Результаты будущего анатомирования я, Данила Павлович, вам и сейчас готов предварительно сообщить. Новых сведений, полагаю, к обеду добыть не удастся. Специальные исследования понадобятся. Это не меньше двух-трёх дней в моих условиях.

– Что же ты молчишь? Выкладывай, в чём определился, – поторопил друга Ковшов.

– Начну с этого, – Дынин протянул Ковшову чёрный пакет, – посмотри, это я с утра, когда труп осматривали, фотографии сделал. Вполне достаточные для опознания личности. Я попросил местного фотографа отвезти, чтобы отпечатал. Мальчишки на лодке успели туда-сюда сгонять. И приятель не подвел, пока совещание проходило, все успел сделать. Думаю, лишним не будет.

– Да, ты просто чудо, Илья Артурович! – похвалил Квашнин, разглядывая вместе с Ковшовым чёрно-белые фотоснимки утопленника.

Фотографии были великолепными по качеству, не для слабонервных – по содержанию, ибо, что может быть безобразнее гримас смерти? Как ни старался, видно, фотограф при запечатлении физиономии покойника по возможности привести черты лица в соответствии с первоисточником – у судебно-медицинских экспертов это называется «реставрировать внешность», – результаты были плачевны. На Ковшова со сверкающего глянца листа смотрела ужасная маска смерти.

– Я, пожалуй, от ухи сегодня воздержусь, – только и мог прокомментировать разочарованный Квашнин и сплюнул.

Но несколько штук «портретов» забрал у Ковшова, оставил себе, сунув в планшет, остальные бережно раздал другим оперативникам. Понадобятся при опросе рыбаков и деревенских.

Ковшов продолжал изучать «портрет», что-то в лице убитого его заинтересовало. Нет, несомненно, оно было незнакомо. Что-то другое... Лицо было необычное. Не серое. Западало в память. Да, именно. Своими характерными особенностями лица покойник сразу бросался в глаза и повисал в памяти. Покойный был сух, как палка, и это отразилось на измождённом, повидавшем многое лице. Отвислый большой нос, наверное, малиновый при жизни и чёрный сейчас, дополнял впечатление. И три безобразные бородавки под левым глазом.

«Ну что же, – подумал Ковшов, – легче будет предъявлять для опознания. Вряд ли найти похожую неотразимость».

– Ранение почти сквозное. Наверное, заряд из самодельной картечи сечка. Мужики, если настоящие охотники, только на кабана с такой ходят, – стал перечислять Дынин. – Скорее всего, задето сердце, мужчина скончался сразу, не мучился. До того, как в воду попал. Он и понять ничего не успел. А картечь могла остаться в лодке. Так что, первое, Данила Павлович, ищите лодку, может, повезёт, и дробь найдёте. А пока вот чем могу порадовать.

И Илья протянул две крупные дробинки из свинцовой проволоки.

– На спине убитого в брезентовой куртке чудом зацепились.

– Так, Пётр Иванович, помечай, – приостановив Дынина, Ковшов развернулся к Квашнину. – Понял задачу?

Квашнин быстро, как невиданную драгоценность, принял от эксперта дробь.

– Второе, – продолжал Дынин, – выстрел произведён с близкого расстояния. Такая картечь до семидесяти метров наповал валит, а в данном случае стреляли метров с десяти – пятнадцати, не дальше. Вероятнее всего, стрелявший находился перед убитым лицом к лицу... Пока всё.

– И за это спасибо, друг, – хлопнул Дынина по плечу Квашнин, спрятал дробинки в синий коробок и, обмотав платком, положил в нагрудный карман.

– Ну, орлы, усекли? – обратился он к оперативникам. – Искать пропавшую лодку и любителей кабанов.

– У Гнилого лодки не было... – начал один.

– У Дятла бударка имелась. Гнилого последнее время с Дятлом видели. В этой дыре без лодки не обойтись.

– Кончай с аббревиатурой, – пресёк начавшуюся полемику Квашнин, – называйте фамилии, имена. Клички не всем известны, запутаемся!

– А у этой братвы только клички и известны, имена и фамилии их все давно забыли, – развел руками крепыш из гражданских.

– Матков, народ может забыть, а ты такого права не имеешь, – по-отцовски наставительно поправил крепыша Квашнин, – продолжай, Саша.

– Утопленник, при жизни носивший кличку Гнилой, отчаянный был браконьер, – помолчав, собрался с мыслями Матков, – только этим и жил. Был судим городским судом. Там попался, взяли с икрой. Нам приходил запрос, когда шло следствие, но связей он не раскрыл, так всё и затихло. Сел один, надолго. Кто-то из этих мест явно поделщиком у него был. Но не Дятел. Этот только-только браконьерничать начинал.

– А где наш гвардеец Игралиев? – вдруг спохватился Квашнин. – Большой спец по охране рыбных запасов. Или он только рапортовать о рекордах горазд, а как эту шпану ловить, так его след пропал.

– Его Каримов с собой на катере увёз, – протянул кто-то из гражданских.

– Даленко сейчас обслуживает, – съехидничал другой.

– Так. Ясно, – оборвал Квашнин. – Все вопросы в письменном виде.

Любимая поговорка капитана была известна оперативникам и всем работникам райотдела, вспоминал неунывающий замнач о ней, когда ему было невтерпёж или наступали на мозоли.

– Давай, Саша, развивай свою мысль о Дятле.

– Вот у того фамилия точно Дятлов. Но он больше на медведя похож. Здоровенный бугай. Как его Гнилой обработал, диву даюсь. Но с тех пор, как Гнилой из колонии возвратился, прибрал он Дятла к рукам. Неразлучны они стали. Этот шустрый, но, как гнида, проворный, а тот косолапит за ним с вёслами по селу. Браконьерством промышляли, но не попадались ни разу. Не знаю, может, Игралиев ловил их по мелким делишкам.

– С Дятловым успели поработать?

– Не найду пока. Последний раз его в селе видели в конце прошлой недели. Вместе с Гнилым. С вечера на воду собирались. После этого Дятлов пропал, а Гнилого в неводе колхозники выловили.

Квашнин удовлетворенно щёлкнул пальцами:

– Вот вам верная наковка! Вместе они были. Если Дятлова не найдём, жди, когда всплывёт.

– Сейчас вода тёплая, пора уже всплыть, – подал голос Дынин, внимательно слушавший разговор оперативников, – тем более, если человек грузного телосложения.

– Течением пронесло, – констатировал Квашнин, – готовь, Данила Павлович, ориентировку в районы. Вдруг там поймают или где сам выплывает.

– Это за мной, – пометил себе Ковшов в блокноте, – а вы, Пётр Иванович, всё же поищите среди живых. Может, в городе объявится. Всё бывает. Это верная ниточка.

– Всё бывает, и на стене один раз ружьё стреляет, – раздался знакомый голос, из-за спин появился Камиев.

– А вы где пропадаете, майор? – без злобы, но суховато встретил его Квашнин. – На вашем участке мы топчемся битые полчаса, а вы разгуливаете.

– Виноват, товарищ замначальника райотдела милиции, – (не думал дурачиться, но получилось именно так) вытянулся опоздавший. – Отсутствовал по той же причине. Убийство раскрывал. Я тут делился с Данилой Павловичем одним соображением насчёт этого. Так что версию, можно сказать, проверял.

– Проверил?

– Проверил, товарищ капитан.

– Докладывай прокурору отдела.

– Версия, кажется, подтверждается, Данила Павлович.

– Вот как! – не удержался от восторга Ковшов.

– Да, дурили Игралиева рыбачки. Объяснения, что тот с них собрал и доложил начальнику, враньё чистой воды. Мне тогда ещё они подозрительными показались, когда на совещании их огласили...

– Склонен ты, майор, к аналитическому мышлению, – вставил Квашнин, – особенно, когда спишь на совещаниях. Надо сообщить об этом Каримову, чтобы распространил твой положительный опыт.

– Не верилось мне, – продолжал, не обращая внимания на ехидство капитана, Камиев, – вот не верил, и всё тут! Чтобы охраняли наши колхозники свои оханы с частичком да сети с мелюзгой. Кому они нужны? А уж чтобы смертоубийством за это мстить! Нет у меня в кусту таких лихоимцев. Есть один-два, но за частичек ружья не подымут на человека, какой бы мразью тот не оказался.

Ковшов не перебивал.

– Вот я и пошёл, немножко потряс своего источника. Кумекает он мне, сети и оханы, что под частичек стояли, неизвестные за компанию распотрошили. Не нужен он им был. Ничего не взято из сетей. Их особенно не потревожили. Один вид создали. Кто-то снасти под красную рыбу потрошил. И наравались, раз смертью наказание понесли. Значит, здорово надоели эти потрошители.

– Это кто же тебе выдал? – заинтересовался Квашнин.

– Секретная информация, товарищ капитан, – в отместку громко сострил Камиев, – источник не подлежит разглашению.

Но тут же тихо шепнул ему:

– Спиридоныч, из второго рыбацкого звена.

– Маркин?

– Он.

– Ему верить можно. Он мужик справедливый. Всё-таки, майор, ты знаешь к кому идти выведывать. Как я про него сразу не вспомнил? Поощрить его надо, сексота твоего.

– Не сексот он! – вырвалось громко у Камиева. – Человек честный. Он облеплен коллективными молчунами, как ракушками, и боится сказать, чтобы из компании не выпасть, вороной белой не прослыть. Они же враз бойкот такой устроят, что сживут со света. Из деревни убежать придётся. И кто заправляет, верховодит ими, никогда не узнать. Всё шито-крыто. Прямо царство молчунов. Но они не равнодушные, они – себе на уме.

– Кажется, от бригадира всё идёт. От Жигунова, – вслух размышлял Квашнин, – мужик тот лихой стал. Особенно, как на Дашке Деньговой женился. Правая рука председателя колхоза как-никак теперь. Тут же изменился. Вольности позволяет, в рукоприкладстве на работе не раз замечался. Председатель его покрывает, а он беспредельничает. Колхозники молчат, а рыбаки, те совсем народ особенный. Сможет, сам сдачу даст, а нет, зубы выплюнет и злость копит, но дожидается своего часу. Только пока Тихон такую силу несёт, с ним сладу нет. Кстати, Матков, я тебя специально с совещания отпустил. Что удалось выяснить? Где отсутствовали Деньгов с Жигуновым?

– Председатель колхоза с бригадиром как в четверг укатали в город на свадьбу к родне, так и не вернулись вроде.

– Как это понимать, твоё «вроде»?

– Да, Дарья, жена Тихона, она тут крутилась возле избы, на совещание всё хотела попасть, а наши ребята её не пустили. Она им говорит, что одна в колхозе за начальство осталась, поэтому обязаны пропустить, но те ни в какую. Я к ней с расспросами подъехал: где мужик? что так долго задержался? не ревнует? Она хвост прищемила и враз дела нашла, в правление умчалась. Я кое с кем потолковал, в правление съездил. Она там и не была, домой, значит, заторопилась. А мальчишки у дома проговорились, что видели Тихона ещё вчера вечером. Они

играли затемно, он как-то, крадучись, прошёл. Один приехал. И скрывается. Станные дела. На Тихона не похоже. Он с гулянки с громом возвращается, всё село слушает его молодецкую поступь. А тут трезвый, да ещё прошмыгнул. Знал, что большое начальство на происшествие приехало, на совещание не пошёл, хотя за председателя он обычно остаётся, да ещё, выходит, Дашку послал вынюхивать, высматривать...

– Ну, ты, Александр, целый детектив нам тут выстроил, – не дождавшись пока Матков остановится, почесал затылок Квашнин. – Всё это одни домыслы, которые при проверке могут оказаться твоей разбушевавшейся фантазией. Но проверить тщательно надо. Займитесь этим.

– Только у меня, Матков, к вам просьба, – вставил Ковшов. – Постарайтесь информацию, что соберёте, мне к полудню доложить. Я собираюсь сам с Жигуновым побеседовать, если председатель колхоза так и не появится. Кстати, Пётр Иванович, я полагаю, причины их отсутствия не забыли выяснить через городских оперативников? Связались с ними?

– Данила Павлович, у меня по этому поводу к тебе разговор будет. Не возражаешь? Свадьбу проверим. Здесь ещё одна закавыка начинается. Надо обмозговать. Давай я ребят сосредоточу сейчас и отпущу. Сам неподалёку сбегая по своим источникам, – Квашнин подмигнул Камиеву, – а вечером вас найду, и раскинем планшеты. Как? Вопросы в письменном виде? Время, чувствую, уходит.

– Время уходит, вы правы, – согласился Ковшов.

Его не смутила внезапная поспешность заместителя начальника милиции перервать разговор на, казалось бы, важной теме. Квашнин был человеком дела, последней прозвучала необычная информация о бригадире рыбаков, Тихоне Жигунове и его странном поведении, так как близился вечер, а с ним и ночь, оперативная работа требовала внимание именно к этой, «тихой» части суток.

Ковшов распрощался с Дыниным и, оставшись с Камиевым и Зябликовым, перешёл с ними к столу близ избы, где внимательно стал изучать собранные следователем прокуратуры первичные материалы происшествия.

Хотя бумаг было и немного, он перечитывал их долго, внимательно, порою делая записи в блокноте. Зябликов с Камиевым устали ждать и отошли к берегу, Зябликов постоянно курил, Камиев думал о чём-то своём, затаённом. Разговора между ними не получалось.

Ковшов подозвал к себе обоих.

– Павел Иванович, – обратился он к Зябликову, – я изучил протоколы допросов колхозных рыбаков, никто из них нигде не говорит о том, что неизвестные выдёргивали их ставные сети и оханы, поставленные на ночь. Вы эти вопросы им не задавали?

– Мне утром с Дыниным была поставлена задача осмотреть труп тот, без рода и племени...

– Фамилия его Фирюлин Аким, а кличка Гнилой, – подсказал Камиев, вытащил из кармана фотографию погибшего и, вглядываясь в неё, продолжал: – Освободился из мест лишения с полгода назад. Помню, зимой пришёл ко мне отмечаться. Вытащить из него мало удалось: в городе взяли с рыбой и икрой осетровых пород. По делу проходил один. По приговору суда получил три года, так как привлекался уже второй раз. И первый срок отбывал в колонии полтора года. Как я его ни гонял, так работать никуда не устроился. Жил один у сожительницы, старше его лет на десять. Он освободился, а через месяц её похоронил. Баба работящая была, не в пример ему. Тогда и прилип к Гнилому Дятлов. Всё они крутились на воде. У Дятлова бударка ходкая была. Но в колхозе не работали. То ли чурались, то ли Тихон их не подпускал к своим, в бригаду рыбацкую. Подозревал я, браконьерствуют они, но не попадались. Однако на какие-то шиши жили. Некогда было вплотную ими заняться. Дел по кусту неупротор, до такой шелупони руки не достают. Но для Тихона Фирюлин особый был орешек. Рассказывал мне источник, гонял Жигунов всех прилипал с тоней, шугал своих рыбаков так, что чуть башки не отрывал. Бывало, и кулаком доставалось некоторым. Не без этого, а Акима не тро-

гал, обходил. Но и свободы особой не давал. Вроде между ними какая-то верёвочка вилась... Знали они друг друга хорошо, но на людях держались чужаками. Хотя и вместе их никогда не видели. А председатель колхоза, Полиэфт Кондратьевич...

– Как ты сказал? – не удержался Зябликов, заинтересовавшийся услышанным именем.

– Полиэфт Кондратьевич Деньгов, – с расстановкой повторил майор. – Председатель колхоза этой весной перед ловом, как созывал общее собрание рыбаков, мне прямо задачу поставил: всех посторонних с тоней гнать, свои – не свои, чтобы и духу не было. Я тогда ему про Жигунова намекнул, мол, Тихон некоторым сам потакает, Фирюлин с Дятловым там у него ошииваются... Он при всех Тихону всыпал, тот и слова не сказал, всё проглотил, а только особенного рвения не проявил. И после этого оба там часто шастали.

– Интересно, интересно, – пометил себе в блокнот Ковшов и снова обратился к следователю прокуратуры: – Так что же, Павел Иванович, рыбаки говорят про сети? Были ли на них повреждения и где эти сети сейчас?

– Мне эти обстоятельства, Данила Павлович, стали известны только на совещании и вот от вас услышал, – опустил голову Зябликов, – поэтому вопросы рыбакам задавались только по обстоятельствам обнаружения трупа и так, общие...

– Слабовато... – задумчиво протянул Ковшов. – В документах, что здесь собраны, информации никакой, только оперативные сведения. Надо всё незамедлительно восполнить. Вам придётся до темноты этим заниматься. А мы с Камиевым поедem в село. При допросах акцентируйте внимание на информацию рыбака Маркина, но источника, сами знаете, не светить. Постарайтесь выяснить, где стояли эти колхозные сети и оханы. Если засветло успеете, надо выехать с рыбаками туда, зафиксировать место, обозначить на схеме, попытаться сделать осмотр. Возьмите мой фотоаппарат, только будьте осторожны на воде. Если что с ним случится, меня Черноборов убьёт. Встретимся в правлении колхоза.

– Данила Павлович, – тронул Ковшова за рукав Камиев, – можно я с ним? Меня рыбаки всё-таки лучше знают, да и на местности ориентируюсь, оханы и сети искать начнём.

– Я не возражаю, – кивнул Ковшов, увидев направляющегося к ним Квашнина, – мне до правления товарищ капитан компанию составит.

Правление колхоза встретило их пустыми коридорами и комнатами. В одноэтажном строении – фундамент каменный, изба деревянная, просторная пятистенка, крыша позеленевшая, наверху красный флаг, – сидел на ступеньках крыльца сторож. Отдыхал на ветерке. Рядом, как собака на длинном чёрном поводке, у его ног покоился громоздкий чёрный телефонный аппарат. Аппарат молчал. Рабочий день давно закончился. Сторож опасно курил, но при приближении знакомого человека в милицeйской форме, бережно затушил окурoк в консервную банку и, тяжело побрякивая, сосредоточенно встал, приветствуя Квашнина. Ковшову он даже не кивнул. На вид ему можно было дать лет?.. Много, не догадаться.

– Здорово, Михеич! – приветствовал доблестного стража Квашнин. – Несёшь вахту?

– А куда она денется? – бодро удостоверила охрана. – Споздился ты что-то, Иваныч, к нам. Начальство-то так и не было. Председатель в городе, а те, кто сегодня был, уже разбежались. Ты, никак, звонить в район хотел? Вот. Звони. Связь есть.

И охрана бескорыстно указала на аппарат.

– А что, Тихон не подходил? – протянул пачку сигарет сторожу Квашнин. – Он, я слышал, давно со свадьбы возвратился.

– Ни слуху ни духу, – взял сигарету дед, но прикуривать не стал, сунул за ухо. – Дашка была. До последнего сидела, маялась. Всё ждала вас. Думала, из милиции кто придёт. Так и убежала коров доить, не дождавшись.

Он пытливо, подняв незрячие глаза из-под мохнатых бровей и огромной бесформенной фуражки, взглянул на заместителя начальника милиции:

– Чё-нибудь нашли?

– А куда они денутся? – в тон ему бодро ответил Квашнин. Снял фуражку, вытер платком пот на лысой своей впечатляющей голове и, в свою очередь, спросил деда: – Слушай, Михеич, вот ты, старый человек. Мудрый, я знаю. Скажи, почему у вас в деревне ни одного лысого нет. Все то лохматые-кудрявые, то бородатые-кудлатые. А я вот один из района к вам приехал и один лысый.

Охрана искала подвох. Смеяться не решалась.

– Я лысею, потому, что умный, Михеич, – выдал щедрый милиционер подказку. – Поэтому злоумышленников, которые у вас завелись, я отыщу. Ты меня знаешь. А трудно будет, два генерала, что приезжали из города, мне вот помощника дали, – он величественно кивнул на Ковшова. – Так что, мужикам скажи, у нас с этим нет проблем. Я особенно жить у вас не собираюсь, но задержусь. Пока правды не найду, не уеду. Пусть потолкует народ, найти меня знаешь где. Понял? Все вопросы в письменном виде.

– Пётр Иванович, – засуетился сторож, он как-то весь посвежел от дрёмы после внезапной вспышки капитана, – может, Дашку позвать, я мигом сбегаю.

– Дашку, говоришь? – надел фуражку на голову Квашнин. – Давай нам Дашку. Стой! Так она же на дойке?

– Надысь, коровы-то уже подошли, – донеслось уже от удаляющейся охраны, – они, заразы, затемно к селу подходят.

Квашнин по-хозяйски взял телефонный аппарат, пригласил Ковшова в правление, устроился за столом в комнате с дощечкой, на которой было написано: «Совещательная».

– В район Боброву звонить не будете? – спросил устало. – Может, домой?

– Начальству докладывать нечего, – отмахнулся Ковшов, – а дома у меня пока нет, по квартирам с женой мотаемся, не до телефонов.

И пошел бродить по комнатам. Оказалось, он ошибся. Не всё было открыто и доступно. Двери с красными дощечками и белыми печатными буквами: «Председатель колхоза», «Бухгалтерия» и «Парторг» были закрыты на всяческие замки.

Охрану пришлось ждать долго. Начинало смеркаться. Подошли Камиев и Зябликов. Дополнительной информации не принесли: рыбаки молчали. Зябликов, сославшись на недомогание, отпросившись у Ковшова, уехал в район с тем, чтобы утром возвратиться. Квашнин успел переговорить по телефону с дежурной частью райотдела, выяснить обстановку; позвонил в город, где ему доложили, что работа по заданию проводится, но пока результатов нет. На простом языке оперативников это означало: отстань, деревенский, своих забот хватает. Камиев засобирался идти на розыски сторожа, но тот наконец-то появился сам.

– Не нашёл Дашку-то, Иваныч, – досадливо огорчил он Квашнина, – и дом закрыт, света нет. Собаки только рядом брешут. Пошёл навстречу, думал, она корову отправилась искать, да возвратился. Темно уже. Пост свой на вас, дурак старый, бросил. Ругаете небось меня.

Квашнин молча созерцал пустую улицу деревни, на которой нет-нет, да появлялись толстобрюхие животные, с бестолковым видом бредущие домой. Не зная, как себя вести, страж опять поискал глаза милиционера, но тот прятал их под козырьком фуражки.

– А с чего ты взял, Иваныч, что Тихон вернулся? Не видел его никто. Я пока шёл, поспрашивал народ.

Квашнин, не удостоив его ответом, повернулся к Камиеву и Ковшову:

– Ну что, мужики, и нам почивать пора. День был долгий. Что скажешь, Данила Павлович?

– Пора, – буркнул Ковшов, явно имевший по этому предложению другое мнение.

Нерационально, а главное, почти безрезультатно отработан день. Ничего не удалось выяснить. Не блеснула ни одна мало-мальски разумная версия. Никаких следов. Даже неизвестно, что произошло? Где именно произошло? Туннель, по которому он пробирался с трудом и на ощупь, впереди беспросветен. Малейшие слухи, обнадёжившие было после предположений

Маткова о странном возвращении из города бригадира рыбаков, и те, не разгоревшись, только что погасли.

– Ну, майор, выкладывай, куда нас намереваешься устроить на ночлег, – корыстным взглядом одарил Квашнин Камиева, – выказывай своё гостеприимство. Мы с Данилой Павловичем доступны. А у меня, без вранья, живот к рёбрам прирос от голодухи. За весь день во рту одна болтовня.

– Я вас, дорогие друзья, в моём самом замечательном схране размещу, – обстоятельный Камиев повёл Ковшова и Квашнина по остывающим деревенским улочкам. – Лучшего угла не пожелаете. Как в столице, Данила Павлович! Сущий «Англетер»!

– Ты, майор, когда там успел побывать? – недоумённо воскликнул Ковшов. – Ишь, куда занесло.

– Сынишка в школе учил уроки, а я слышал.

– Ну-ну. Поглядим на твою гостиницу, – без энтузиазма отреагировал Квашнин, – я тут на всякий случай тоже побеспокоился.

Капитан потряс свёртком, который всё это время не выпускал из рук:

– На вас, товарищ майор, надеялся, а сам не оплошал.

– Этим ты зря запасся, Пётр Иванович, куда идём, там этому давно беспощадная война объявлена. Дед Упырь зелья не признаёт, кроме целебного настоя трав.

– Вот те на! Он нас в монастырь женский определить собрался, Данила Павлович! И что это за Упырь непьющий?

– Уймись, Пётр Иванович. Упырь у нас вместо отшельника давно.

Они стояли перед утопающим в цветах и фруктовых деревьях добротным домом. Правление по сравнению с ним выглядело хибаркой того старче из сказки, который безропотно бегал к золотой рыбке по велению своей вздорной старухи.

– Вот тебе и Упырь! – не удержался Квашнин от восторга. – Какой дом отгрохал! И место чудесное.

– С местом не повезло, ты посмотри повнимательнее, капитан, – Камиев махнул на задние дворы.

Неприметные сразу за деревьями сада здесь, за домом, на открытой местности, ещё в не накрывшей деревню вечерней темноте на фоне тёмно-синего небосклона виднелись кресты кладбища.

– Что это у вас хоронят посреди деревни? – удивился Квашнин. – Да, соседство не из приятных...

– Кому понравится, – согласился Камиев, – а куда деваться? Захоронение образовалось, когда деревня с гулькин нос была. Считай с тридцатых годов. А потом они росли вместе, друг с другом. Вот и сравнялись. Пузырёву это место досталось. Но он, молодой был, бед не знал, не горевал.

– Пузырёв? Это кто же такой? Прямо не раскулаченный буржуй!

– А ты вспомни, Пётр Иванович, – напряг Квашнина майор, открывая незапертую калитку в палисадник, – не должен ты забыть семью Пузырёва.

– Толстяк с женой и девочкой? Девочка у него за весь район пела на концертах? – хлопнул себя по лбу Квашнин. – Талантливая девчушка. Помню, помню. Деньги у него водились. Крутился он из села в город постоянно. С председателем колхоза что-то они не ладили. Свои права ему качал.

– Пузырь к Деньгову ещё пацаном после института в главные специалисты пытался устроиться. Сам он городской. Вот и не прижился. Не нашли общее взаимопонимание, а потом совсем разодрались. Съел его Полиэфт Кондратьевич. Почти выгнал совсем. Но в области Пузыря поддержали: молодой специалист, да и родственники влиятельные нашлись. Он этот дом с их помощью построил, а пожить не пришлось, с ребёнком плохо стало. Жена у него

слабенькая, всё болела. А когда забеременела вторым и родила в больнице с большим трудом девочку, совсем на тот свет засобиравалась. Из больницы не вылезала. И ребёнок с ней, туда же. Пузырь по городским врачам побегал, все ноги отбил. Никто не берётся недуг лечить. Вот тогда и появился наш дед Упырь. Как его нашёл Пузырь, никому не ведомо. Дед-то давно в деревне куковал. Скромно жил. Травы собирал, ягоды; старушек, мальцов лечил. На ноги ставил. Ну и заработал славу знахаря – не знахаря, вроде что-то лекаря-отшельника. Наш врач больницы гонял его, ругал последними словами. Как начнёт лекции читать народу в клубе перед кино вечером, так тот у него прямо враг номер один...

– Сущий Лаврентий Палыч, – вставил само собой Квашнин.

– Чего-чего?

– Был один такой, враг народа.

– В деревне Упыря знали, как бывшего рыбака, но это давно было, после этого он отошёл от всех дел, на людях не мелькал, забывать его стали, – не обратил на подсказку внимания Камиев. – Это потом уже снова зауважали, когда чудо сотворил.

– Вылечил всё-таки больную? – не удержался от восхищения Ковшов.

– Вылечил так, словно вновь народилась! – в голосе Камиева звучал искренний восторг. – Обоих на ноги поставил! Пузырь после этого не знал, как его благодарить. А Упырь, – ничего не надо, я здоровьем не торгую. Чудной он какой-то. Не от мира. Говорят, в Бога верует. Но у нас церкви нет, была старая, чуть не сгорела ещё в революцию. Слышал, жгли тогда? Сейчас там барахло разное колхоз бережёт, ненужное свозят.

– А что Пузырь-то? – подтолкнул Камиева капитан.

– Пузырь правильно поступил. Молодец! – Камиев подошёл к окну, легко постучал по стеклу. – Отдал весь дом деду. Всё, как положено, бумаги дарственные оформил, хотя тот не соглашался. Живи, говорит, здесь. А сам девчат взял и в город укатил. Деньгов всё равно ему бы здесь жить не дал, да и девочку надо пристраивать к делу. Талант у неё. Голос как у Зыкиной, хотя сама и тощая, как скелет. Но вырастет. В отца, не в мать пошла. А Пузырь, он!.. Ты, помнишь, Иваныч, Пузыря?

Камиев попытался, разведя обе руки, изобразить объём, видимо, необъятного Пузыря, но затею свою, так и не осилив, прервал. Дверь дома отворилась. На пороге стоял старец, ростом в полдвери, седой, простоволосый, с аккуратной бородкой до груди, в светлой рубашке навыпуск до колен. Глаза, добрые и весёлые, улыбались. И сам он весь, как бы светился тёплым сиянием.

– Вот и хозяин, – представил майор. – Здорово, дед Ефим! Привёл гостей, как обещал.

Гости с нескрываемым любопытством откровенно разглядывали старца.

Тот не стеснялся, но и не ёрничал. Степенно оглядел уставших пришедших, остался доволен, учтиво поклонился.

– Входите, люди добрые, – и повёл за собой, приглашая в дом. – Жизнь провожу один, особенно мирские заботы не докучают, поэтому не зело обременён. Живому человеку, паче государеву служивому, рад. Вот Митрич меня ревностно балует.

Если по рассказам Камиева вполне материально обеспеченный Пузырёв не так давно покинул этот дом, то вся обстановка, аксессуары и современные безделушки, заполнявшие комнаты, определённо принадлежали прежнему владельцу и оставались нетронутыми на месте. Новыми и явно чужими здесь резали глаз несколько старых почерневших в золоте икон в углах и что-то пока неуловимое сразу. Казалось, это витало в воздухе невидимым присутствием и придавливало к полу. Ковшов силился понять, что это, но не получалось. Скорее всего, мешали голод, ощущение полного провала от дневной неудачи и усталость. Светло – не светло, а вечер приближался к девяти часам. С раннего утра на ногах и без крошки во рту. Удивительно, но в полной тишине, царившей в комнатах, Ковшов различил в ушах назойливый стрекот вертолёта. Звук, чудилось, не покидал организм. Наваждение какое-то, подумал он, с чего бы? И подставил руки под приятную освежающую струю воды из кувшина, заботливо поднесённого

хозяином. По очереди, приходя в себя, умылись все, расселись по стульям, оглядываясь по сторонам.

Стол был накрыт в самой большой комнате, походившей более других на гостиную. Хозяин направился было закрывать ставни окон, но Камиев, именуемый старцем всё время почему-то «Митричем», остановил его со словами:

- Нам бояться некого, дед Ефим. Свет в деревне вот-вот отключат.
- Уже отключили, – поправил его старец.
- Тем более, закрывать не надо. Светлее будет.

Старец всё же отправился за лампой.

Кушаний и разносолов особых на столе не наблюдалось. Ковшов обратил внимание, что пища была растительного характера, за исключением двух-трёх горок варёных куриных яиц на тарелках и молока в двух огромных кувшинах. Остальное сплошь овощи и фрукты; даже давно сошедшая с прилавков городских базаров редиска здесь пучками красовалась рядом с зелёным луком и листьями салата.

Квашнин вытянул нос в полнейшем недоумении и весь свой ужас излил на Камиева. Не переварив ещё странностей в разговорной речи и манерах старца, едва не свалившись от его обращений к майору «Митрич», он был безнадежно повергнут эстетикой кулинарных лакомств. К чему, к чему, а к этому он был явно не готов.

– Ты куда нас привёл, чудило? – не выдержав, зашипел он на Камиева, как только старец скрылся в другой комнате. – Это же вегетарианский раскольник, Митрич ты казахский! У него не пожарить, не выпить!

И Квашнин сунул под нос сконфуженному майору потрёпанную древнюю книжицу, одинокую до этого покоившуюся на столе в углу под большой иконой, где хмурило брови в золочёном окладе свирепого вида взлохмаченное лицо:

– Читай!

На книжице проступали потертые буквы: «Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное».

Камиев в растерянности ничего ответить не успел, от книжки отшатнулся, даже в руки не взял, но тут с керосиновой зажжённой лампой явился хозяин, и Квашнин затих. Старец действовал на капитана, как удав на кролика.

– Усаживайтесь, гости дорогие. Не обессудьте. На столе всё, чем сам питаю телеса. Вас, знамо, этим не утолить. Митрич, помоги мне.

И вдвоём с Камиевым они вынесли с кухни большой деревянный поднос, на котором ещё обжигала теплом чугунная сковорода, сверкающая золотом поджаренных карасей.

Слов не нашлось от захватившего духа у Квашнина, вскочившего над столом; ошалело хлопнув ладонями, суетливо, но умело расчистив место на столе для сковороды тот засемафори́л майору:

- Неси мой свёрток!
- Отведайте, сынки, моей настойки с травкой. Зело полезно животу и духу.
- А что, не откажемся, – переменявшись в лице, подмигнул Ковшову Квашнин. – Присаживайся и ты с нами, отец.

– Воздержусь, – по-отечески погладил сидящего капитана по плечу старец. – За благодать щедрот благодарствую. Не обессудьте. В другой раз.

– Так это же и есть тот самый раз, – не унимался Квашнин, – мы у вас денька два-три погостим. Садитесь к столу.

– Садись, дед Ефим, – присоединился «Митрич».

Старец не заставил себя упрашивать, из той же кухни принёс четырёхлитровую бутылку с густой жидкостью, вручил её Камиеву и аккуратно присел к столу, поправив бородку и перекрестив комнату со всеми присутствующими, кушанья на столе и себя.

Смущение и неловкость не успели загостить за столом, все быстро заговорили, расшумелись, похваливая лечебную настойку. Старец держал спину, не горбясь, в разговор гостей не встревал, только потчевал и подставлял то одно, то другое блюдо. Сам он едва пригубил рюмку. Милиционеры между тем, сняв кители, разговорились о делах минувших.

– Митрич, – уже не дурачась, а по примеру хозяина дёргал за рукав Камиева Ковшов, – тебе твой источник, когда идею о снастях и красной рыбе подсказал, не поведал, где эти снасти прячут?

– Нет, а что?

– Там, скорее всего, и есть место убийства. Так, Данила Павлович? – капитан обернулся к Ковшову.

Тот заинтересованно кивнул и продолжил:

– Вполне возможно, эти снасти и сейчас там маячат, если те, кому они понадобились, не выдернули их сами.

– Исключено! – живо возразил Квашнин. – Во-первых, для этого потребовалось бы очень много времени. Ночью с крючками опасно заниматься. Сам за них заденешь и на дно угодишь. А кроме того, если стрелявший один был, то в одиночку ни за что не осилит их вытащить.

– Один, два, – рассуждал Ковшов, – не в этом дело. Снасти – это опасная улика. Все рыбаки твердили Игралиеву, а потом и Зябликову, что неизвестными потревожены только их снасти под частиковую рыбу. А информация Маркина – парадокс. Врать ему нет причин. Он знает, перед кем ответ придётся держать, если что. А всё же сказал. Тот, кто снасти проверял, если он не деревенский...

– Я уточнил, Данила Павлович, – перебил Ковшова Квашнин, – чужих в деревне несколько дней уже не было. Мои ребята выяснить успели.

– Прекрасно, – сдержанно похвалил Ковшов. – Это ты для этого убегал?

– И для этого тоже, – хитро сощурился замначальника.

– Если гастролёров и чужих не было, а снасти остались стоять, значит, есть надежда, что тот, кто их ставил и не успел выдернуть, ближайшей ночью сделает попытку их вытащить.

– Точно! Вытаскивать полезут! – чуть не заорал Квашнин. – И не по жадности. Они знают: сегодня мы из-за совещания чёртова ничего сделать не успели, поэтому только завтра поплывём искать. А найдём снасти – найдём убийц!

За столом повисла тишина. Тишина, необходимая для осмысления внезапно в разговоре вспыхнувшей надежды. Вроде всё было утрачено. Никакого шанса на успех пробиться к истине. И на тебе! В этой комнате, за этим столом пришло озарение.

– Так! – лихорадочно потирая руки, задёргался-засуетился сразу Квашнин. Это уже был другой человек. Не дурашливый балагур «Иваныч», не рубаха-парень, лихой капитан, не какой-нибудь «замнач» со свёртком водки под мышкой, а главный сыщик, отвечающий по полной катушке за раскрытие убийств в районе. – Так! Если всё сойдётся, они придут сегодня. Это наш шанс! Кончай пировать, майор. Надо наших ребят полностью перестраивать на эту задачу. Занять берег до того, как туда бандиты сунутся. Заметят наше движение, не полезут.

Камиев был тоже возбуждён, но выглядел поспокойнее. Посмотрел на часы, сказал:

– Раньше полуночи они не двинутся. Время есть.

– Поспешай, поспешай, майор! – командовал Квашнин, стоя уже на пороге.

– Пётр Иванович, – остановил капитана Ковшов, – ты в этой гонке не забыл про бригадира?

– Ни в жизнь, Данила Павлович! – весело крикнул Квашнин, и дверь за ним закрылась.

Старец наблюдал за всем происходящим без удивления, без чувств, без движений. Он оставался сидеть в той же позе на стуле, всем своим видом отрешённо показывая отсутствие интереса. «Не беспокоят его мирские страсти, – подумалось Ковшову, – смотрит он на суету

мирскую с высоты своих представлений о сути жизни, об истине, о совести, о долге. Выше наших мирских забот и тревог».

Старец как будто услышал его мысли, ожил, заговорил:

– Дошла до меня плохая весть. Оперёд вашего прихода Матрёна, соседка, прибежала, рече: грех в деревне великий! Смертоубийство?

– Застрелили из ружья.

– Нет прощения сим поступкам греховным... Разумею, не сыскан злодей?

– Не отыскан.

– Воздастся каждому по делам его. От нехристей сих грядёт разорение веры и закона. Найдти злодея надо. Митрич со товарищами сим занялись?

Ковшов кивнул.

– Господи, управи ум их и утверди сердца их на творение добрых дел, на скорый сыск греховодника... Горемыка убиенный тутошный или как?

Ковшов молча достал папку со своими бумагами, разложил на столе, отодвинув посуду, нашёл фотографию Фирюлина, протянул.

Старец долго изучал изображённое на фото лицо, искал в памяти знакомых. Что думал он: жалел, отчаивался, прощал грехи, как у них, верующих, водится? Просто размышлял в горести над судьбой несчастного?

– Лик его и в смерти печалит. В скудости жил он, Бога не знал и не чтил. Господи, прости его душу грешную...

Вместе со старцем они вдвоём прибрали на столе. Ковшов, сославшись на бессонницу, уселся за стол, разложив бумаги: протоколы, свои записи, схемы, строил бесчисленные версии, переживая за мотавшихся сейчас невесть где, на воде или на земле товарищей. Старец постелил ему тут же в гостиной на единственной кровати напротив трёх окон у стены. Сам ушёл в другую комнату.

Всё стихло.

Не пропадая совсем, но и не сверкая особо, мирно поедая керосин, мерцал язычок пламени за стеклом лампы, освещая круг на столе и задремавшего над ним человека.

Вдруг бесшумно, словно инородная масса, бесформенная тень тревожно надвинулась на среднее из трёх окон с улицы за стеклом. Сгусток этот замер, задвигался опять, остерегаясь, зашевелился, прижимаясь к стеклу, расплзся по нему вверх и в стороны, приобретая очертания человеческой фигуры. Дождь или ветер пробежали по поверхности стекла, забарабанило, прерываясь и возобновляясь вновь. Звук настойчиво силился ворваться в дом, в комнату, внутрь.

Старец очнулся от дрёмы, он ещё не успел предаться сну, шорохи за окном и дрожь стекла разбудили его окончательно. Он привык жить один. Его давно уже мало что пугало. Да и что на земле могло устроить человека, много лет сознательно и достойно готовящегося к смерти? Вечность открывала перед ним объятия. Господь Бог ждал его. Он смело дожидался своего часа. Теперь уже скоро. Но в стекло окна кто-то стучался!.. Или ему мерещилось?..

Осторожно поднявшись (в привычной темноте он ориентировался безошибочно), старец ступил на пол и вышел на порог гостиной.

В свете тусклого языка пламени керосиновой лампы отчётливо отпечаталось в окне белое лицо в ужасной гримасе с обезображенным носом и тремя бородавками под глазом! Выпученные навыворот глазные яблоки внимательно и злобно следили за каждым его движением, хищно скалились зубы в безумной усмешке! Это лицо старец не мог забыть. Только что он изучал его на фотографии. Оживший утопленник глядел на него в окно!

Вновь задрезало стекло от ветра или под давлением рвущегося призрака, и старец рухнул навзничь, лишаясь чувств.

– Дьявол! Господи! Спаси и сохрани! – успел крикнуть он.

Ковшов вздрогнул и проснулся.

Огонёк беспокойно метался в лампе, затухая. На полу у порога бился в конвульсиях старец в светлом ночном одеянии, тыча руками в окно.

За окном – беспросветная темень. Гудел ветер так, что шум проникал в дом.

Стратегия и тактика

Леонид Боронин, аккуратный, тихий и подчёркнуто безразличный, не подымая головы, вёл совещание аппарата по подготовке предстоящего заседания бюро областного комитета партии.

Докладывал Ольшенский, но первый секретарь его почти не слушал. «Бог идеологии» давно уже говорил одно и то же с некоторым исключением, время от времени меняя тезисы с учётом обстановки и момента. А в общем-то – занимался тавтологией. Это злило первого секретаря, выводило из себя, но сделавшиеся обычными аппаратные рутина и камарилья приелись, и он терпел. В этот раз Ольшенский, инициатор предстоящего заседания бюро, вещал о неудовлетворительном положении дел в партийных организациях на местах, где ещё никак не могла наладиться активная работа по обсуждению и пропаганде решений состоявшегося недавно съезда партии.

– Пробуксовывает, как обычно, твоя система доведения до народа, до рядовых коммунистов наших идей, Павел Александрович, – медленно едва слышным голосом хмуро констатировал первый секретарь.

Это подстегнуло докладчика.

– Надо менять кадры, Леонид Александрович, – тут же нашёлся идеолог, – много ещё на местах непонимания важности момента. Расслабились. Сейчас как никогда очевидна постановка главной задачи – усиление воспитательной работы. Враг, в виде безграмотной беззаботности, я бы сказал, присутствует и в наших рядах. События в Чехословакии достаточно ярко показали, что в недрах стран, вставших на наш, социалистический путь развития, имеется благодатная почва для антисоветских сил.

Ольшенский заговорил печатным языком передовиц газеты «Правда»:

– Они не дремлют в противовес некоторым нашим дилетантам и могут дойти до контрреволюционных действий, что едва не проявилось в дружественной нашей стране Чехословакии. Нам следует усилить....

Боронин слушал велеречивые рассуждения Ольшенского и ещё ниже склонял голову в душившей его злобе. Нет, не Павел злил его и вызывал глухую досаду. Весь этот год, начавшись с надеждами на лучшее, опять как-то не заладился. Область не вписывалась, несмотря на все его усилия, в поставленные правительством задачи развития промышленности. Если быть откровенным перед собой: выручала, как обычно, и тянула вперёд только рыбодобыча. Но вечно выезжать рекордами по отлову рыбы на Волге и Каспии не в радость. Всю её быстро переведёшь. Он сам хорошо это понял, и от заумных речей и советов местных и столичных спецов-спасателей уже пухнут уши. Ради дела пошёл он на рокировку кадров. Энергичных мужиков переставил, сам каждого на бюро пытал, наставлял, утверждал. Повыгонять многих пришлось; не щадил, без жалости расставался с мудрецами, обросшими мхом и пахнущими плесенью вчерашних гнилых и безжизненных идей. Фантазёры хреновы! Вместе со своим лидером Никитой, задурившим им мозги утопическим коммунизмом. Собрался построить Хрущ бесппроблемное общество, объявил по всему миру, что к 1980 году страна заживёт припеваючи под гармошку. О чём думал чужак, стуча башмаком по трибуне в ООН? Пустобрех! Не любил и не уважал таких людей Боронин. И работать пришлось при нём, и встречался, и лично знал, но эйфории тот клоун у него не вызывал. Вот Леонид Ильич, это да! Это совершенно другой человек. Это политик. А как раз ему, пряча глаза, пришлось расхлёбывать месиво полумного хряка! На съезде, с которого только что вернулись, отрабатывали назад втихую умные мужики в ЦК, осознав давно, что выполнить хрущёвское обещание построить коммунизм к началу 80-го года, конечно, не удастся. Хорошо, что нет недостатка в умных головах в высшем эшелоне партийной власти, не все ещё в бонзы величественные обратились, тихо, доходчиво и

убедительно разъясняли о достижении пока промежуточного рубежа – развитого социализма. Лукавство это, конечно. Шито белыми нитками. Но умный не скажет, а дурак не заметит. К тому же придумать сумели: за годы развития страны возникла новая историческая общность людей – советский народ.

Не велика мудрость, а к месту и по времени. И враз положение выправляет. Теперь Павел вон настаивает: формировать нового человека – одна из главных задач партии. И он прав. Но что-то в этот раз опять увлёкся, не туда понёс. Заводит его собственная речь, забывает, что он на аппаратном совещании в обкоме, а не на лекции в совпартшколе перед слушателями-мальчишками. А дела здесь действительно твориться стали серьёзные. Надо Марасёва подпрягать, чтобы у себя под носом разобрался с диссидентами. Слабину им дали. А те не замедлили учудить. Перед съездом опять на весь мир прополоскали. И как акцию продумали! Прямо целую операцию провели! Знали, что на съезде готовился доклад о расширении прав гражданина в стране, так европейские подлюки в самом конце февраля перед открытием съезда в Москве провели в Брюсселе еврейскую посиделку, назвали её для пушей важности «всемирной конференцией» и растрезвонили по всему свету, будто тяжко бедным мойшам в Союзе – и работы их лишают на почве национальной принадлежности, и отправлять культ не дают, и учиться не принимают, и выездам за границу чинят препятствия. «Правда» успела быстренько отреагировать, врезала по наглým мордасам ответным обращением, подписанным академиками, писателями, братьями по крови и родству, так они всё же включили свою тайную пружину, палочку-выручалочку Сахарова, тот с письмом вылез к Брежневу, видите ли, ему лучше известно, как у нас евреям живётся... А тут этот хряк Хрущев совсем на пенсии с ума сходить стал, опубликовал в Америке какие-то свои запрещённые мемуары. Начал поучать, что страной править так же просто, как кукурузу растить...

Хотелось Боронину от досады и злобы плевать, да куда же плевать, себе в карман? Ольшенского не остановить. Тот только-только набрал силу и красноречие. Хотя, что греха таить, говорить не умел, хотя и возглавлял одно из наиболее серьёзных направлений деятельности областной партийной организации: секретарь по идеологии, ученик «серого кардинала»³, в отличие от своих великих просветителей марксистов-философов, на которых ссылался через каждые два слова, буквально плутал в лабиринте своих заумных мыслей, но к креслу был припаян намертво. Потому как главную линию партии давно усвоил крепко и с неё ни вправо ни влево не сворачивал, твёрдо направляя курс в кильватер с первым своим руководителем. Первого секретаря это вполне устраивало. От добра добра не ищут...

Так что Ольшенский в конце концов правильно закручивает гайки, каждому воздаст по заслугам, к кадрам следует относиться с двойным оптическим стеклом. А дурную овцу, вовремя узрев, из стада вон! Первый секретарь сделал себе пометку в блокнот, хотя на память грех жаловаться: «Переговорить с начальником управления КГБ»...

Боронин поднял голову, оглядел сидящих за столом. Рядом всё время куда-то порывавшийся встать, сорваться с места член бюро, председатель облисполкома Иван Думенков уже расплзся по стулу локтями, начинал подремывать. Многие тоже не слушали докладчика, откровенно занимались своими мелкими заботами, только чтобы не заснуть и не в носу копать. Писатель Шадров что-то рисовал в своей тетрадке, а, может, времени не тратя, новые странички к роману сочинял. «Утомляет всё же Ольшенский своими повторениями, – рассуждал Боронин. – Учит, как в школе». Вслушивался он в речь идеолога, морщился. Привыкший проповедовать, Павел начал за упокой, а когда закончит за здравие, пока догадаться невозможно.

³ «Серым кардиналом» за глаза называли второго человека в ЦК КПСС после Л. Брежнева – М. Суслова.

Вот задремавший Иван Думенков совсем другой человек. Энергии в нём, словно в сжатой до предела пружине. Боронин легонько задел локтем товарища, тот мгновенно поправил локоть на столе, выпрямил спину, зорко, по-орлиному упёрся глазом в первого секретаря.

– Ты что это храпеть вздумал? – хмуро пошутил Боронин шёпотом. – Дурной пример подаёшь. Куда торопишься?

– Совещание назначил у себя в облисполкоме по этой холере, будь она неладна, – наклонившись к уху секретаря, буркнул Думенков, – народ уже собраться должен, сидят ждут, а я тут штаны протираю.

– Ну ты это брось, Иван Григорьевич, штаны ты протираешь в другом месте. А здесь совещание обкома, – беззлобно поправил его Боронин больше для формы. – Сейчас закончим, останься, разговор есть.

Иван Думенков, мужик – кровь с молоком, председателем облисполкома был назначен недавно. Пензяк, из рабочих, молотобоец, с получением новой должности располнел, раздался в стороны и обмяк, но оставался настоящим бочонком с порохом, подождёшь фитиль – взорвётся. Закончил рыбвтуз и в сельском районе вприпрыжку за несколько лет от рядового инженера моторной станции промчался до первого секретаря райкома партии. У себя в районе что только не творил – и ночной лов кильки на электросвет первым на Каспии затеял, и неводы ставные переключил, все рыболовецкие тони механизировал, колхозы на ноги поставил. К сорока годам перестало ему хватать места в провинции, рвался наверх – в аппарат области. Он уже и депутатом Верховного Совета СССР избирался и вторым секретарём обкома побыл, но применительно к высоким постам, конечно, ещё мелковат, хотя в бой рвётся всегда и, главное, всё время с улыбающейся физиономией. Боронин даже завидовал втайне его успехам, а особенно здоровью и безудержному жизнелюбию. Ревновал к авторитету и власти. Люди к Думенкову липли, как будто мёдом обмазан был. Закрадывались уже мысли, – не подсел бы, Пантагрюэль, не пора ли его выдавливать куда-то наверх из области, в другие регионы или в столицу, там была нужда в современных лидерах. В ораторском искусстве Иван себе равных уже не знал, этот размазня Ольшенский ему в подмётки не годился. Организаторскими способностями блистал: самого Косыгина убедил раскошелиться, обвешал того перспективами ужаса, болезней, вырождением населения Поволжья от возможной холеры, завалил историческими экскурсами чумных бунтов. Железный Алексей Николаевич кряхтел-кряхтел, а деньги выдал, раздавленный аргументами толстяка. Иван тогда не побоялся, к самому Брежневу обратился, но к Боронину в обком ни разу не прибежал за помощью. Всю черновую работу на себя взвалил, его, первого секретаря, втягивать не стал. Боронин, конечно, сам вмешался, вопрос важный, обком от таких болячек в стороне не остался и не остаётся. Как ни терпели, ни скрывали опасность от людей, – зачем лишний раз будоражить народ, – но город пришлось закрывать. Однако беда ликвидируется, всё начинает восстанавливаться, хотя в ЦК на него некоторые коситься стали. Как же первый секретарь допустил первобытную болезнь в области? Но что они знают об его проблемах, зажавшиеся чинуши, забравшиеся наверх? Куда ни кинь, везде они! Сколько раз просил денег поносить все эти развалюхи, в которых испокон веков на болотах люди маются и – удивительное дело – не ропщут! Построить хотя бы какое-нибудь человеческое жильё! Все поволжские деньги из государственной казны их сосед забирает. Это понятно, после войны тот город строится заново, но нельзя же столько времени за спиной быть у города-героя, хотя он ему и не чужой!..

Можно было бы этими заботами и Ивана поднапрячь. А что? Это его святое дело тоже: в равной мере, как и обком партии, облисполком несёт ответственность за строительство жилья в области и снос ветхих развалюх. Но Иван так рвётся пальму первенства перехватить! Стоит ему поручить решать эту проблему, и он враз в столицу помчится выбивать средства. У него уже имеется коммуникабельный товарищ, без мыла, как говорится, в любое отверстие проникнет, в любую дверь ключик подберёт. Связи с московскими верхами наладил давно; как в Вер-

ховный Совет Иван летит, так самолёт загружает; рассказывают, что не чурается сам коробки проверять, которые ему Луценко подвозит. А обратно гостей везёт, несговорчивого Косыгина он на охоту и заманил. Алексей Николаевич жук опытный, мало куда выезжает последнее время, как Совет Министров возглавил, задницу поднимает от кресла редко. А охотился совсем в других краях. За компанию если и ездил, когда брал его с собой Леонид Ильич, и то в другие места, где не только обилие диких зверей, водоплавающей дичи, но и есть что посмотреть, например, древнюю архитектуру огромного Кирилло-Белозерского монастыря и Архимандритского корпуса, тут тебе и высокий лес, и чистый воздух. Его любимые места, всяк знает. Но сманил Косыгина в знойную степную глушь и прискаспийские ильменя⁴ Иван, уговорил железного хранителя государственных денег. Сумел тогда и сейчас сумеет. Деньги выбьет, и с головы Боронина на свою опять лавры сорвёт и в этой проблеме. Нет, доверять ему нельзя. Уж лучше он сам как-нибудь обойдётся. Додолбит упрямого канцлера...

Боронин повернулся к Думенкову, тот снова безмятежно подрёмывал, но опять взор чужой уловил и тут же голову поднял, как ни в чём не бывало. Спросил взглядом, кивнув на неугомонного Ольшенского, монотонным голосом долбившего происки проклятых капиталистов и их приспешников: долго ли им ещё терпеть? Раз тот из своей страны выбрался и на загнивающий Запад перебрался, значит, скоро к финалу добредёт, также взглядом дал понять Думенкову первый секретарь, потерпим, дело нужное...

Совещание удалось свернуть ближе к вечеру, есть уже не хотелось. Думенков, как ему предложено было, остался, но сидеть не мог, словно выпущенный из конюшни застоявшийся жеребец, метался по кабинету. Боронин, как вёл совещание, так и остался на месте. Сидя в кресле за могучим столом, ему было легче управлять людьми и сдерживать массы, а в данный момент хотя бы этим чувствовать своё превосходство над председателем облисполкома. Думенков ничего подобного и в голове не держал. Он рвался к себе в кабинет, где его ожидал такой же стол, где жаждали врачи-эпидемиологи, председатели райисполкомов и прочая челядь. Словно случайно замешкавшись, задержался Ольшенский, но Думенков уже не мог сдерживать нетерпения.

– Леонид Александрович, – остановился он перед первым секретарём, – ещё какая-нибудь беда на нашу голову свалилась?

– Что на нас с тобой, Иван Григорьевич, свалиться может? Что ты волнуешься, дорогой? Ольшенский не проявлял неловкости и желания оставлять их наедине.

Боронин, не скрывая досады, кашлянул два раза, но ожидаемого эффекта его кашель не достиг. В конце концов, подумал первый секретарь, то, что меня интересует, действительно не составляет какую-то секретность, ну а бестактность Павлу он припомнит при случае.

– Ты утреннюю оперативную сводку от Даленко читал?

Думенков утвердительно кивнул головой:

– Два человека у Борданова пропали, одного выловили с огнестрельным ранением. Тебя это интересует, Леонид Александрович? Больше вроде ничего за последнюю неделю особенного не случилось.

– Это произошло в колхозе «Маяк Ильича», – утвердительно произнёс Боронин. – Как там наш член обкома, председатель колхоза выглядит? Ты должен знать, колхоз-то рыболовецкий?

– Как же, хорошо знаю Деньгова Полиэфта Кондратьевича, – оживился председатель облисполкома. – Я ещё, когда в районе работал, мои колхозы с ним тягались. Трудно его по уловам было обогнать. Крепкий мужик. Колхоз в его руках силу почуял. Да ты его забыл, что ли, Леонид Александрович?

⁴ Ильмень – так на юго-востоке европейской части России называют небольшое зарастающее тростником и камышом озеро, как правило, расположенное в дельтах больших рек.

Думенков любил вспомнить время, когда командовал комитетом партии в районе. Боевое было время, живое, сидеть в кабинетах не приходилось. Целыми днями на рыбацких тонях пропадали, жизнь ключом била.

– Вместе же с тобой притащили его в обком, беседовали, толковали, прежде чем выдвигать в члены обкома, – размахивая руками, возбуждённый Думенков стал похож на французского бунтовщика с баррикад.

– Прямо Дантон или Марат ты у нас, Иван Григорьевич, – тихо, не поднимая головы, скорее для себя, нежели для оратора, произнёс первый секретарь.

– А почему, Леонид Александрович, ты Деньгова со смертью этих рыбаков связываешь? – не понимая, остановился Думенков. – Ну погибли мужики, они ведь колхозниками не являлись, я сводку ту помню.

– Правильно. Память у тебя хорошая, Иван Григорьевич, не колхозники они, – в своей обычной манере тихо вёл разговор первый секретарь.

Думенков остывал, забыв о том, что торопился на важное совещание. Он давно считал себя равным первому секретарю, давно мог запросто говорить с ним на «ты», спорить, обсуждая проблемы хозяйственной деятельности, возражать, даже отстаивать своё мнение, но бывали мгновения, когда спина его вдруг холодела, как сейчас, и охватывал неведомый, несвойственный ему, сильному, энергичному, весёлому и жизнерадостному человеку животный страх.

Человек из кресла, только что дружески беседовавший с ним, медленно поднимал голову, а когда поднял, председатель облисполкома на высоком бледно-синем лбу увидел бесцветные глаза убийцы, с глубокой ненавистью пожиравшего его взглядом. Но это было только мгновение, глаза Боронина сверкнули и потухли.

– Иван Григорьевич, помнится, ты предложил кандидатуру Деньгова из всех других председателей колхозов. Одного из многих, – ещё тише сказал Боронин.

Думенков медленно приходил в себя, не соображая и не понимая, что с ним только что произошло.

– Мне его Луценко Василий, председатель облрыбколхозсоюза, советовал... Леонид Александрович, – тоже почему-то тихо пролепетал он, – я не понимаю, Леонид Александрович, при чём здесь Деньгов и утопленники?

– Я тоже пока не понимаю, – опустил голову первый секретарь, – утром позвонил Борданов из района. Начальник милиции доложил ему, что погибший и пропавший воровали рыбу из колхозных сетей и были наказаны за это... Кем-то...

– Нет, Леонид Александрович, Деньгов не тот человек, чтобы подобными мерами наводить порядок. К тому же Луценко мне говорил, что председатель колхоза «Маяк Ильича» два дня с ним вместе гулял на свадьбе у родственника. Глеб Порфирьевич Зубов, главный врач, дочь свою замуж выдавал.

– Он, значит, гулял, а в колхозе смертоубийство? – вмешался в разговор Ольшенский, о котором совсем забыли и Боронин, и Думенков.

– Да что вы в самом деле! – пришёл в себя Думенков и, обретая былую уверенность, хлопнул обеими руками по полным бёдрам. – Жульё колхоз грабит, один подлец тонет, второй пропал без вести, а подозреваемым оказывается председатель колхоза, которого и на месте не было! Может, тот, кто убил, как раз и удрал с перепугу. Что нам гадать? А Луценко абы кого рекомендовать не будет, Леонид Александрович. Он с человеком не один пуд соли съест, только потом за него голову может положить. Я Луценко знаю. Я за него ручаюсь.

– Я послал на место убийства комиссара Даленко и прокурора области Игорушкина, чтобы разобрались, – не глядя на обоих, тихо сказал Боронин.

Думенков тихо опустился на стул, внимательно слушая первого секретаря. Тот даже не посмотрел в его сторону. Редкие, неопределённого цвета волосы торчали у него на макушке

и висках. Казалось, Боронин слишком рано постарел или постоянная непосильная ноша, груз, с гигантскую плиту величиной, придавил его к земле. Сейчас он сидел, согнувшись под этой тяжестью, но первый и ходил в той же позе, словно придавленный, и представить его быстро идущим или бегущим Думенков не мог. И вдруг подумал: «А как он ведёт себя в постели с женой? Ведь у него есть дети, значит, он... Доступны ли ему обыкновенные человеческие удовольствия? Есть ли у него любовница?» Глядя на Луценко, которого Думенков знал, как свои пять пальцев, на других сподвижников, председатель облисполкома, сам мужчина-жизнелюб, не гадал, определял точно – у этих мужиков есть подружки и не одна у некоторых, они знают, что с ними делать в постели. Но представить Боронина!.. Но Думенков увлёкся. Его вернул к действительности голос первого секретаря:

– К вечеру, думаю, Даленко доложит о результатах следствия...

– Не обольщайтесь, Леонид Александрович, – вмешался вдруг Ольшенский, – смею вас заверить, никого они не найдут.

– Что это вы так категорически против нашей народной милиции, Павел Александрович? – зло воскликнул Думенков.

Управление внутренних дел являлось подразделением, подчиняющимся не только начальству в столице, но и ему непосредственно, поэтому председатель облисполкома болезненно реагировал на любые замечания в этот адрес.

– Даленко – комиссар милиции третьего ранга, генерал. Держит планку раскрываемости по России высоко, не в пример некоторым регионам. В процентах показатели в прошлом году выросли...

– Да бросьте вы о своих показателях, любезный Иван Григорьевич, ради бога. Всё вы на проценты переводите. Воблу ваш Даленко до сих пор на балконе собственной квартиры вывешивает сушить, каждый горожанин по его балкону определяет, когда на низах её ловить начинают!

Боронин поднял бесцветные глаза на Думенкова. Тот открыл рот от удивления, словно рыба, выброшенная на берег, не зная, как парировать внезапную яростную выходку обычно невозмутимого Ольшенского, но так и не нашёлся, что ответить.

– Вы забыли, вероятно, как они мне шапку искали? – продолжал между тем идеолог.

– У вас пропала шапка? – спросил Думенков. – Когда?

– Украли, – просто поправил его Ольшенский. – Читал я зимой как обычно лекции в совпартшколе. Разделся внизу, на первом этаже в гардеробе. К обеду возвращаюсь одеваться, и что вы думаете?

Ольшенский обвёл слушателей величавым взором.

– Пальто выдали, а шапки нет.

– Вот история! – взмахнул руками Думенков и почему-то хохотнул.

– Мне, представьте, было не до смеха! – возмутился Ольшенский. – Рассказывать вам и то стыдно. В совпартшколе и шапку украли! Кому скажи – на смех поднимут. Но на дворе мороз двенадцать градусов. Не молод я уже, чтобы налегке без головного убора по улицам города шастать. Не тот возраст, сами понимаете...

– Нашла милиция шапку-то? – не дослушав, поинтересовался Думенков.

– Самый главный их приехал. Меня расспрашивать даже не стал. Под козырёк и кричит: «Сейчас отыщем!» Пузатый такой и громогласный.

– Лудонин вроде не кричит, – высказал вслух догадку Думенков, – и не пузатый он.

– Я потом слышал, что они его между собой «автобусом» звали.

– Странная фамилия. Нет таких в Управлении внутренних дел начальников. Я всех знаю, – озадачился председатель облисполкома.

– Значит, не всех изучил, Иван Григорьевич, – донеслось от стола, где сидел первый секретарь, – а шапку-то нашли всё-таки, Павел Александрович?

– Нашли, – кивнул Олышенский, – нашли, как не найти. Вместе с жуликом! Я, правда, не дождался. Так и добежал до дома по морозу налегке. Но вечером доставили. Только моя, знаете, Леонид Александрович, пирожком была, пыжиковая такая, я её давно ношу, а эта норковая оказалась и новая совсем.

– Ну и что? – опешил Думенков.

У Боронина на лице тоже появилось какое-то подобие интереса.

– Вернул я им шапку.

– А вашу нашли?

– До сих пор в ожидании. Но я их уже не беспокою. Раздеваюсь теперь у заведующего в кабинете. А в гардеробе, Леонид Александрович, троих смотрящих поставил наш хозяйственник.

Думенков всё же засмеялся, Боронин не отреагировал никак.

– Пришли ко мне Луценко, Иван Григорьевич, – напомнил он Думенкову, – он у тебя на совещании будет?

– А как же, Василий Дмитриевич уже давно заждался меня, наверное. Да и не один он. Но мы там не скоро закончим, Леонид Александрович. Может быть, его сразу подослать?

– Нет. Работайте. Я подожду. Сегодня мы много беседами да совещаниями занимались. Я задержусь вечером, надо документы посмотреть. Пусть после подходит.

Было известно: если первый секретарь не был в командировке, в московской поездке, в разъездах по районам или по предприятиям, то из обкома он не выходил к служебному автомобилю раньше десяти или одиннадцати вечера. Сидеть в партийных аппаратах по ночам до утра давно уже стало немодным и необязательным, но Боронин находил для себя настоящее физическое удовольствие от своего кабинета. Если бы не новые порядки, заведённые ещё Никитой, он сидел бы в кабинете до утра, но понимал: не то время, начнут осуждать, и так за спиной молодые, видно, анекдоты травят или злословят. Провинциал, никогда не общавшийся со столичной политической элитой, к закату жизни обрёл он величие, когда рухнули идолы и вожди. Получив огромную власть, не знал, как ею пользоваться. Сподобиться молодым уже не мог, мешали традиции, тяжкий опыт прошлых ошибок, грехи юности. Взбрыкнуть стеснялся – осудят, тысячи глаз следят. Он не признавался самому себе, что привычка не поднимать глаз на собеседника появилась у него от боязни, что увидят в них зависть к тем, кто юн и беззаботен, свободен и радуется простым проявлениям обычной жизни. Его давил тяжкий крест власти. Давно, на протяжении десятка лет его не покидало чувство, что эта непосильная ноша не оставляет его по ночам. Ночь не давала ему никакого успокоения, женщины его не удовлетворяли, жена не интересовала, сон покинул насовсем с тех пор, как пришлось работать по ночам в тесных низких кабинетах райкомов под эгидой Великого вождя, которому предан был всегда и поклонялся сейчас втайне от всех, несмотря на трагедию, расколовшую страну на два, теперь уже навсегда враждебных друг другу лагеря... В особенно тяжкие для души дни он отдыхал, напиваясь вусмерть пьяным. Потом ужасно страдал, приходя в себя, напивался опять. Мозг отключался вместе со всеми страхами, страстями, переживаниями. Потом сам, без чьей-то подсказки, понял: в один страшный миг может сорваться в такую глубокую трясину, из которой не выбраться и его закалённому организму. Однажды он пришёл в себя на полу служебного кабинета и увидел рядом на ковре собственный «вальтер», подаренный ещё в Молдавии местным начальником милиции. С ужасом попытался вспомнить, как оказался на полу? Почему рядом оружие? Но не вспомнил даже того, как поднял первую рюмку...

Политической шалости у него не было: он не знал комсомольских рейдов, бесшабашности ночных вечеринок и посиделок, не щупал девок в отчаянных студенческих отрядах. С трибуны рукой не махал бушующей в праздничных неистовствах толпе, скорее отмахивался. Не было в нём помпезного вождизма. Он без лёгкости принял скипетр власти на голову, поэтому и

страдал. Теперь уже и сам понимал – нести ношу придётся до конца, пока не случится страшное.

Леонид Боронин один сидел в кабинете. Поздний вечер за окном напомнил о себе включившимся вдруг электрическим светом в окнах облисполкома напротив. Он включать света у себя команды не давал. Послушная секретарша давно убежала домой, он не задерживал технических работников, когда сам засиживался допоздна.

Боронин подошёл к большому окну, отодвинул тяжёлую портьеру, выглянул через стекло на улицу. По улице торопился домой отслужившийся люд. Но скоро, поужинав, некоторые бывшие чиновники, заселившие дома на этой улице и обитающие поблизости от городского центра, появятся снова, кто с жёнами, кто с детьми, кто с собаками. Зарождалась мода заводить собак, чтобы они выгуливали своих хозяев, просиживающих дни в жарких кабинетах. А улице, он слышал от бойкой секретарши, присвоили именование то ли «улица утраченных надежд», то ли «разбившихся сердец». Забыл...

Боронин опять, в который раз, вернулся к запавшей в его голову ситуации.

Нет, происшедшее в колхозе его особенно не тревожило. Неинтересен был ему тот член областного комитета партии со странной фамилией Деньгов, председатель колхоза «Маяк Ильича». Но эту ситуацию можно умело использовать и повернуть против скакуна-кавалериста Думенкова. Советчик хренов подсовывал ему кадры из своих рыболовецких колхозов. Свалить этим Ивана не удастся, тот сразу почувствует угрозу. Вон как дёрнулся, поймав его неосторожный взгляд. Чует кошка, чьё мясо съела! Эта закавыка заставит его лишний раз хорошо раскинуть мозгами, кто настоящий хозяин в крае. Быстро станет искать места в Москве. А он ему тогда, словно ненароком, по старой дружбе подсобит туда перебраться. Подтолкнёт наверх. Тот только благодарить его будет за оказанную услугу. И помогать потом будет из столицы. А куда он денется? Обязан!..

Лущенко что-то не бежит. Этот тоже из молодых выскочек. Воспитанник Ивана, верный порученец. Наслышан о его делах. Но парень дело своё знает, служит верно, такие нужны. Уйдёт Иван, Лущенко понадобится, таких держать надо около себя, чтобы было на кого опереться, а при случае и приструнить недолго. Слабостей у этой братвы хватает, сами не замечая того, в капкан лезут. Ну да ладно... Задержал Лущенко что-то Иван, пора бы ему быть, да и комиссар не звонит. Запозднился Даленко в районе у Борданова...

Когда жизнью правит судьба...

Едва Квашнин, а за ним и Камиев выскочили из дома лекаря и освоились в темноте, капитан дёрнул товарища за рукав кителя:

– Слушай меня внимательно, майор. Замедли бег, а лучше остановись.

– Слушаю, Пётр Иванович.

– Тебя как по-нашему звать-величать?

– Меня всегда Жамалом звали. К отчеству мы, казахи, не привыкли. А на русский язык я имя своё не переводил.

– Вот и правильно, майор. Жамал, это ближе к нашему Женьке. Но я тоже переименовывать родительские имена не любитель. Жамал, это даже лучше звучит. А меня зови Пётр. Мы с тобой сейчас должны быть, как братья, потому что под пули пойдём. И людей поведём.

– Слушаю, товарищ замначотдела!

– Жамал, брат, усваивай живей.

– Есть, Пётр Иванович!

– Уже лучше. Дальше само пойдёт. Привыкнешь. Я вот что маракую. Мне всё больше приходилось специализироваться по сухопутным капканам. Поэтому соображения свои изложу; ты, если что не так, поправляй, не стесняйся.

Камиев сосредоточенно кивнул:

– Поправлю, Петро.

– Молодчина, уроки на пользу! Остров за деревней стоит, ночным гостям его не миновать, там же они оханы разоряли. Советовался я с рыбаками: там и снасть ставить – места удобные и рыбе деваться некуда.

– Несколько лет назад в тех местах как раз бракаши и промыслили, – поддержал Камиев, – но со временем бригадир начал гонять их, даже местных. Маркин рассказывал: свирепость пуще нашего Игралиева проявлял.

– Что это его так забрало?

– А он же в общественниках у Игралиева стал ходить. Помогал с нарушителями правил рыболовства борьбу вести. Тот ему красную книжку торжественно вручил при всех на колхозном собрании. Вот и зарабатывает авторитет.

– Интересно, интересно... Значит, общественный помощник по охране рыбных запасов у нас Жигунов?

– Давно уже. Считаю, командир на воде в этой деревне.

– Вот так... А ещё у тебя в кусту имеются такие активисты?

– По рыбе, кажись, нет, – почесал затылок Камиев, – есть две учительницы молоденькие по безнадзорным подросткам да дружинники обычные при клубах.

– А по рыбе, значит, нет?

– Да я же рыбой не занимаюсь, Пётр Иванович. Это забавы Игралиева. Каримов у нас строго следит за соблюдением полномочий. Не твоё, не суй носа в другие дела. Своё исполнять успевай. Не мешай соседу работать.

Квашнин вроде как слушал майора, а может, и нет, только не перебивал, дал высказаться до конца.

– А с островом ты правильно решил, Пётр Иванович, – продолжал Камиев, – здесь засаду ставить надо. Мимо него не пройти, если снасти там схоронены. А больше их и ставить негде, если с умом-то.

– Значит, расклад мой одобряешь?

– Другого места быть не должно.

– Тогда, будем считать, принято. Остров я беру на себя, подымаю Маткова, его ребят. Трёх нас вполне хватит.

– Ты что же, меня не берёшь, Иваныч? Я эти места, почитай, брюхом с детства излазил. Знаю лучше всех, а ты меня в запас?

– Не обижайся, Жамал, – остудил пыл майора Квашнин твёрдым тоном, не допускающим прекословия, – убийцу мне взять надо. Мне самому, понимаешь? Рассказывать и объяснять почему, я не буду. Времени нет. Потом, если спросишь, ответ дам. Но не горюй. Твоя задача не легче моей.

Квашнин замолчал, посуровевшим взглядом впился в Камиева. От его обычной весёлости и благодушия не осталось и следа.

– Как тебе сказать доходчивее, чтобы ты понял... Я вот тут всё время голову ломал: зачем Данила Павлович свои суждения и подозрения раньше времени высказывает. Вдруг всё не так?

– Ты что же сомневаешься в Даниле Павловиче? Не веришь ему? – задохнувшись, вспылал майор.

– Да при чём здесь веришь – не веришь! – так же резко окоротил его Квашнин. – Глупость ты несёшь, майор! Открывать раньше времени версии свои не хочу, сомнения при себе держу. У него своё представление о случившемся, он из города человек. А у меня другое, я здешний. И хорошо, что мы думаем по-разному. Множество суждений, ещё в философии учить приходилось, обязательно в одну истину соберутся. Но проверять все надо, чтобы короче дорожка к правде была. Вот я с тобой своими мыслями поделюсь. Мы оба сыщики...

– Оперативные работники...

– Сыщики! Значит, всех подозревать должны!

– Окромя себя, – буркнул Камиев.

– Теоретически, и себя подозревать должны, если у нас с тобой стопроцентного алиби нет.

– Ну, Иваныч, извини! Понёс ты ахинею. Действует, видать, дедова настойка, – не выдержав, засмеялся Камиев. – Книжки всё это! Студенту какому простительно, Зябликову нашему, он только начинает. А тебя куда понесло, капитан?

– Слушай меня, – не обиделся Квашнин, – я сейчас перед тобой трезвее... всех каменных идолов с острова Пасхи. Что хочешь со мной делай, а влез в эту историю бригадир!

– Жигунов? Тихон? Ты же сам Маткову рот затыкал?

– Сейчас всё больше и больше убеждаюсь, что не обошлось без него, – Квашнин говорил не торопясь, сосредотачиваясь на каждом слове, – а если он при этих делах, шанса давать ему нельзя! Непроста Дашка его хвостом вертела. Верю я нюху Маткова. Сашок в опытного сыщика растёт... Здесь Жигунов, в деревне. Залёг на дно. В доме прячется. А раз скрывается от милиции, всего от него ожидать следует. Значит, вылезет из норы. Днём отсиживался, теперь жди его ночью.

Квашнин упёрся в Камиева взглядом, заглянул в глубину его глаз.

– Поэтому оставайся, Жамал, дорогой мой друг, в деревне, стереги и жди Жигунова у самого дома. Но не бери сразу, если вылезет. Следи за ним до последнего, до самого конца. Брать его будем на острове.

– Думаешь, что причастен Жигунов к убийцам?

– Всё может быть. Позаботься заранее о лодке на всякий случай, к острову, знаешь, другой дороги, как по воде, нет. Поедет сети вытаскивать, там его и возьмём.

– Всё же как-то не верится...

– И думать нечего! – развеивал сомнения Камиева Квашнин. – Если не он лично будет, то без его рук не обошлось. Когда ещё Дашка делами колхозными интересовалась? А тут прибежала, целый день ждала, на совещание её, видите ли, пустите. Да кто она есть? Последнее начальство в колхозе осталось!.. Дашка – начальство? Когда такое было?..

Квашнин зло рассмеялся.

– Да и пацаны врать не станут. Несмышлёныши они, чтобы такое сочинить. Спрятался бригадир дома. Вот только зачем? Сидеть он без дела не будет. А ведь целый день просидел. Вынюхивает через Дашку. А поэтому прошу тебя, Жамал, если вылезет Жигунов из дома, ты не горячись, следи за ним осторожно. Не спугни. Всё дело загубишь. Я тебе его поручаю. Знаю, кроме тебя, старого сыщика, никто с этим делом не справится. А на острове я его встречу. Только имей в виду, братъ будем на снастях, когда он их вытаскивать начнёт. Чтобы всё было у нас честь по чести. При вещественных доказательствах.

– Понял, Иваныч, – Камиев не пропустил ни одного слова. – Всё как надо сделаю. Не подведу.

– Вот и славненько, – хлопнул товарища по плечу капитан, – а теперь давай по местам. А то мне торопиться надо. Ещё Сашку Маткова поднимать да до острова шпарить.

– Иваныч! – крикнул Камиев ему уже в спину. – А если Жигунов не один будет? Со снастями одному ночью справиться тяжело и опасно.

– Так нам не привыкать, Жамал, – весело откликнулся Квашнин, – в лодке-то они всё равно в одной будут.

И капитан скрылся в темноте улицы, ориентируясь в потёмках так, словно всю жизнь здесь прожил.

– Ну и голова у нашего замнача, – одобрительно хмыкнул Камиев, – не башка, а дом Советов...

Квашнин нёсся к Маткову на всех парах. Давно ему не приходилось так бегать. Хорошо, что постоянно держал себя в форме, не давал организму зажиреть. Сам каждую неделю в спортзале терзал своё подтянутое тело и мускулатуру, не уходил домой по воскресным дням, не позанимавшись, а если работа позволяла, и в любой свободный вечер, пока не сменял пару маек, мокрых от пота. Занимался на совесть, от души и оперативников своих гонял, хотя гонять их особенно не приходилось, у его сыщиков спорт был на почётном месте. Один-два то ли шахматисты, то ли шашисты, быстро перебрались, кто в охрану, кто в гаишники. Там было повольней; некому было им под ремни кулаки засовывать, чтобы животы не росли.

Два раза старлею повторять надобности не было. Матков поспешил за шлюпкой, а Квашнин на переправу и к острову, дожидаться там. Время решало всё. Засиделись они у деда на пиршестве, пока в головах просветления не наступило. Конечно, всё может рухнуть, окажись их предположения неверными, но больно уж заманчивы были догадки, факты выстраивались в стройный ряд, образуя логически вразумительную версию. Не проверить её, не воспользоваться шансом, упустить – потом ругать и корить себя будешь всю жизнь.

Только когда устроился в укромном, удобном месте на острове у берега, так, что просматривалась вся равнинная гладь реки, когда подоспел, пыхтящий, как паровоз, Матков с двумя помощниками, Квашнин удовлетворённо успокоился, дал время перевести дух оперативникам, объяснил им задачу, расставляя по местам в засаде. Сам с Матковым залёг на небольшом холме, заросшем невысоким чаканом у воды. Отсюда открывалась вся панорама реки, необычно красивая при лунном свете.

– Около десяти? – спросил, устраиваясь в траву, Матков. – Не сожрали бы комары. Здесь этих злодеев тьма тьмущая.

– Одиннадцатый час пошёл, – взглянул на часы Квашнин. – Ты знаешь что, Сашок, сгонял бы к избе, там, конечно, нет никого, но проверь на всякий случай. Оглядись, вдруг что не так, или кто заночевать там остался.

Матков растворился в растительности острова и пропал с полчасика. Возвратившись, доложил:

– Пусто, как в консервной банке, товарищ капитан. Я без проверки был уверен, по домам мужики будут сидеть. Пока убийцу не найдём.

– Что же ты такой пессимист, Сашок? – невесело пошутил Квашнин. – Не веришь в народ?

– Глухие здесь углы, Пётр Иванович. Я не раз пытался сознательность пробуждать у местных лбов. Бесплезно. Вот кто из молодых в город выбирают, те вроде светлеют, но их уже назад не заманить. Возвращаются только родственников проводить да на похороны родителей. Вымирает деревня, как ни пыжится председатель. А деньги жалеет, чтобы что-нибудь для деревни построить. Ни школы хорошей, ни клуба. Да, что там говорить! – Матков махнул рукой. – Вы сами видите.

– Везде так, – хмуро согласился Квашнин. – Я по районам в глубинках помотался. Насмотрелся. Одно и то же. На словах: надо строить светлое будущее, подымать отсталую деревню, а каждый председатель, как считал колхоз, совхоз своей вотчиной, так и долбит. Всё на себя тащит, свои, близкой родни интересы бережет. Лозунгами только прикрывается.

Продолжать разговор на эту тему Квашнину не хотелось, но и молчать душа не желала. Не привык его организм к долгому бездействию, тем более в такую ночь. Засады были ему не в новинку. В скольких он просидел, понервничал, пока не научился принимать их за должное, не переживать, а даже и дремать, дожидаясь нужного часа. Привык и всё делал скорее автоматически, по инерции. Незнание переставала быть тайной, задача стояла всегда конкретно, каждому отводилось своё место. От чёткого выполнения наступал результат. Незнания, что трепала нервы по первому разу так, что руки тряслись, не было, поэтому улетучился и страх.

Матков, посидев немного, начал кемарить. Квашнин отослал соседа проверить бойцов в засаде, а сам достал фляжку, наполненную ещё у деда в хате, хлебнул и устался на речную гладь, задумавшись о событиях уходящего дня.

Решение он принял. Теперь задействованы все поднятые им сыщики. Камиев не спит, конечно, бодрствует и Ковшов. Что-то будет? Гонясь за сомнительным, не упустить бы верное. Но здесь, если он не ошибся, промаха не будет. Остров перекрыт, Камиев засел у ворот бригадирской хаты. Других версий нет. Эта наиболее реальная на сегодняшний день. Душа его немножко успокоилась.

Сбоку плюхнулся в траву Матков, неслышно прокравшись у него за спиной.

– Райское место, товарищ капитан, подобрали мы на острове, – размечтался старлей, хмыкнув, – тут и девчонки не помешали бы.

– Нет, Сашок, – возразил Квашнин, – женщины в нашем деле одно несчастье.

– Что так категорично, товарищ капитан? – не унимал игривого настроения молодой. – У нас вполне гражданская, можно сказать, служба, они же и на фронтах отцам нашим ночи боевые коротать помогали.

– Эх, Сашок, не знаешь ты, как жизнь повернуть может, – Квашнин задумался, ушёл в себя, хлебнул из фляжки. – Никогда, друг мой, не додумаешься, не сможешь предположить. А она – ра-а-аз! И ты на спине, в углу с поднятыми лапками. А до этого вроде на коне был. Рассказать, что мне довелось испытать?

– Конечно, товарищ капитан! Быстрее время скоротаем.

– Ну слушай. Только не перебивай да глаз с реки не своди...

Квашнин помолчал, пригубил напиток и затянул печальный рассказ...

Красавчику и балагуру, душе любой компании, капитану милиции Петру Квашнину везло во всём. Прямо розовощёкий кудрявый (это когда ещё лейтенантом бегал) везунчик! Единственное: фатально не везло на женщин. Злой рок настойчиво преследовал его во всех делах со слабым полом, который, к его удивлению, оказывался весь как есть изворотливым,

изошрённым в любовных интригах и других интимных вещах, стоило только открыть душу. Бескровные измены и поверхностный флирт подстерегали его ещё во времена учёбы в Высшей следственной школе, где четыре прекрасных года лейтенант Петруха Квашнин, не теряя времени даром, тоже отвечал коварными романчиками своим подружкам. Но до серьёзности пора не пришла, да и незачем было зазря будоражить душу.

Серьёзное началось потом. Но и тогда одно с другим не позволял себе путать. Поставил цель – в своей профессии достичь потолка. Раз выбрал милицию, – учился остервенело, грыз науку, что называется, зубами, получил образование вместе с красным дипломом. Возвратился домой, в город. Послали в один из дальних глухих районов. Но он не унывал. Пахал за двоих-троих, дождался своего. Заместитель начальника по оперчасти, как обычно в уголовке, попивал крепко. Подвернулся случай, приехали с проверкой, а тот никакой, из запоя два дня не выходит. Выгнали, предложили его место. Отказываться не было причин, во-первых, другого быстро найдут, во-вторых, никого не подсиживал Петро, должность сама свалилась вместе с новой звёздочкой, а замнача на пенсию добром проводили, в отставку ушёл по выслуге, парт-оргом место нашлось в каком-то колхозе.

– Знаешь, Сашок, я тебе так скажу, – Квашнин откинулся на спину, раскинул руки на тёплой мягкой траве, утонул глазами в бездонной россыпи звёзд, – в жизни у каждого из нас всё движется само собой, этапами. Я для себя это обозначил преградами – порогами. Не приходилось бывать на сибирских речках, по которым лес сплавляют? Вот как там. Течёт, течёт река, набирает силу, раздувает её мощь, задыхается она в тесных берегах, плотам некуда деваться, друг на друга налезает, наталкиваются, одни разбиваются, врезаясь в крутые каменные берега, ломаются, обращаясь в обломки, тонут, становясь опасными для всего живого подводными плавучими, и вдруг последнее тебе испытание – порог. Тут совсем круто! Сплошная мясорубка! Но тот, кто прошёл этот порог, перед ним открылось спокойное просторное водное царство: плыви, радуйся свободе обрётённой, жизни, счастью. Но не забывайся! Не обольщайся! Всё обманчиво. Дальше становится опять тяжело, не заметишь, как предстанет новая преграда. Опять перед тобой порог! Новый! И ещё страшней. А ты расслабился. И тебя нет. А другой, который рот не открывал, продолжает плыть, борется – и вновь перед ним простор, свобода, наслаждение и покой... Опять плывём... А там новые пороги. Под воду уйдёшь, враз забудут. Никто руки не подаст. А всплывёшь, тотчас цветами путь тебе усеют. Одно тревожнее с каждым разом: успеешь почувствовать приближение нового порога или проспичь и очнёшься не там, куда душа размечталась.

Квашнин отхлебнул ещё из фляжки, и, не отрывая глаз от неба, завершил:

– Но иногда начинает задевать тревога, а приплывёшь ли наконец в ту гавань, где эти пороги кончаются?... Где можно спокойно вздохнуть...

– Грустная у вас концовка, Пётр Иванович, получилась, – вставил Матков.

– Так это, Сашок, только начало. Спутал ты, – засмеялся Квашнин, и от его тоски и следа не осталось. – У меня почему-то каждый такой порог намечался с очередной бабы. Немного их было, но бабы в каждом случае присутствовали. Каюсь, не всегда удавалось мне с ними вырывать от камней. Вот и тогда, как в песне пелось, на самой заре моей жизни, только начинал я осваиваться на должности зама спившегося, появилась у меня секретарша. Я особенно на неё внимания не обращал, а она крутиться вокруг стала. Ну, опытному глазу враз видно: если баба вокруг круги описывать начинает, то жди хлопот. Мне начальник намекнул: смотри, мол, не балуй, глаз не клади на кралю, она жена районного прокурора. А прокурора нам только назначили. Молодой мужик, ревнивый страсть. А дуре, видно, нравилось ему мозги пудрить. Я от неё сторонюсь, а она лезет. Смотрю, прокурор коситься начал, придёшь с какой-нибудь бумагой, ему всё не так. Я и так и сяк. Думаю: прийти самому, объяснить всё, как есть. Пусть переведут её от меня куда-нибудь. Место-то найдут бабе, как говорили: жена Цезаря вне подозрения должна быть.

- Это верный шаг, – согласился Матков. – А что дальше было, Пётр Иванович?
- Дальше? Ты про секретаршу-то?
- Про неё. Интересно.

– Тебе любопытство, а мне, Сашок, совсем плохо стало. Подпёрло, аж, некуда. Хоть на работу не выходи. А тут День милиции пришлось отмечать. Ну, как полагается, днём торжественные поздравления, собрания, а вечером все в клуб. Танцы для офицеров. Я с мужиками не удержался, выпил и не помню, как в клубе очутился, а идти не хотел и не думал. Она, дура, тут как тут, возьми и пригласи меня на вальс. Мужика-то её не было. Он потом появился. Ну танец я оттоптался кое-как и дёрнул оттуда домой, от беды подальше. Только этого уже хватило сполна. События, потом мне рассказывали, развивались так, что у Шекспира все трагедии бледнеют. Прокурор приревновал её ко мне и вечером гонять начал: избил до смерти, топором по голове ударил. Она без сознания свалилась. А он с испугу решил, что убил её. Убежал на чердак дома, дом-то частной постройки, долго мучился там и повесился. Вот тебе и конец всему!

Квашнин, видно, вспомнив всю трагедию, словно воочию увидев, смолк. Матков съёжился, слова боялся сказать.

– В районе переполох поднялся, – продолжал наконец Квашнин. – Пошли пересуды. Меня начальник чуть не под арест домашний засадил до завершения проверки. А проверку приехал проводить заместитель прокурора области, сам Тешиев Николай Трофимович. Слава о нём ещё тогда шла. Маленький мужичок, но шустрый. Во все тонкости вникает, докопаться до нутра норовит, старой закваски боец. Он и разобрался во всём. Сам труп осматривал. А прокурор записку, оказывается, оставил при себе. Сначала в суматохе её никто и не искал. Прокурор перед тем, как руки на себя наложить из-за того, что жену зарубил, написал просьбу в его смерти никого не винить, а в смерти жены виноват он сам... А она, стерва, жива оказалась! Очухалась в больнице, через месяц выписалась, как ни в чём не бывало... А меня из района начальник всё же попёр, в другой район перекинул. Только враз мордой в рядовые сыщики, назад в уголковку. Хорошо ещё Михаил Александрович Лудонин, наш отец родной, заступился. Потом я узнал, что ему удалось смягчить удар, а то пришлось бы и круче...

Квашнин хмыкнул, поднял голову, оглядел реку. Луна в небе гуляла; вовсю по реке ветер шуршал в камышах и чакане.

– Трудновато будет незамеченными мимо нас проскочить. Светло, как днём. Пойдут они вдоль камыша. Так что, Сашок, упреди ребят, чтобы сидели тихо. Себя чтобы не обнаружили.

– Сидят, как мыши, Пётр Иванович, мои орлы. Я им команду дал: опасного зверя ждём.

– Сам не зевай.

– Обижаете, Пётр Иванович, я одним ухом слушаю, а с воды глаз не спускаю.

– Не имеем мы права, Сашок, их упустить. Чую я, здесь они пойдут. Больше нет места. Завтра мы оборонять реку будем, тряпочный телефон об этом уже весть донёс.

– Думаете, нескольких удалыцов нам ждать?

– Ну не гурьбой, конечно, попрут, однако, полагаю, не меньше двух будет. Поднимать снасть с такими крючками при бешеном течении реки одному опасность страшная. На дно угодишь, если зазеваешься.

Они помолчали. Матков покашливал в кулак тихонько, нетерпеливо ждал продолжения от Квашнина. Тот сдерживался, вглядывался в камыши, посматривал на речку, но тишина убаюкивала, клонила к дремоте, и он наконец сказал:

– Вот так, Сашок, я первый раз на себе тот злобный рок бабского сглаза испытал. Зарёкся к ним не подходить на пушечный выстрел.

– А как же у нас в районе оказались, Пётр Иванович? Рассказывают мужики небылицы разные.

– Ты, Матков, любопытный больно. За речкой следи.

– Прошу извинения, товарищ капитан.

– Да ничего. Ты здесь ни при чём. Я сам ностальгией занялся. Теперь грех останавливаться на полдороге. Слушай дальше. Только языком не трепи. Развезло меня от бальзамчика Упыря. Чудный дед, однако.

– Упырёв Ефим? У которого вы остановились?

– Он самый. Глубоковерующий старичок. Аж спина мурашками пошла, когда крестить он всех начал в хате за ужином. У него, видать, женщин-то никогда не бывало. Не представляю его и разные шашни!

Матков прыснул в кулак:

– Старушки его уважают, хотя он и росточком в полметра. Не в этом, знать, главное.

– Вот видишь. Это сейчас в старости, а по молодости, думаешь, шустрый был? По глазам видать, глаза яркие. Всё впитывают, на всё внимание обращают. Жизнь он любил и сейчас любит, не зря старушки к нему тянутся.

Квашнин помолчал, порассуждал ещё о святом характере старца, возвратился к своим переживаниям:

– В городе жизнь совершенно другая, нежели в деревне, да и науку из той трагедии, которая меня едва не сгубила, я извлёк серьёзную, выводы для себя сделал. Решил, как подвернётся стоящая, враз женюсь. Нечего судьбу пытаться. Так и поступил. Только опять не заладилось. Прошли медовые месяцы, я сразу донимать её стал насчёт детей. Чтобы всё, как положено и основательно, по-людски. А она, оказывается, не способная к зачатию и рождению детишек оказалась, у неё, врачи говорили, большие проблемы с этим были. Меня как серпом по тому месту... Я поначалу с ней кучу врачей объехал, они всё одно твердят. Как только до меня это окончательно дошло, охладел я к ней. Смотреть не могу. Мне серьёзная женщина была нужна. Свой дом хотелось, семью, всё, как у людей. Впереди ещё жить да жить, а тут такой облом в самом начале... К разводу дело пошло. А моя обиженной себя вообразила. Развода, говорит, не дам, куда ты, партийный, денешься, семью калечить тебе не позволит никто. Да ещё погуливать начала, чтобы мне, значит, досадить. Я её раз, два приструнил, она попить стала и на кулаки нарываться, чтобы потом синяки афишировать: вот, мол, подлец какой, этот милиционер. После каждой разборки всё хуже и хуже обстановка нагнеталась. Я домой перестал ночевать ходить. Благо, работой завалили, город это тебе не деревня. Тут убийство за убийством, разбой за грабежом, а уж кражи до десятка за сутки, только успевай фиксировать. Я тогда мухлеванием не занимался, хотя учителя уже появлялись. Одним словом, зашился в работе, днём забежишь в столовую, в рот что-нибудь закинешь – и назад в горотдел. Там уже дежурка на очередной вызов ждёт, как скорая помощь. Летом беда и приключилась. Однажды домой приехал, в хате нет никого, а чую посторонний след. У нас, сыщиков, видно, как у собак-ищеек, действительно свой нюх, особый. Был кто-то другой в квартире, чужим мужиком пахнет, приметы в глаза лезут. Вроде не так полотенце моё лежит, опять же бритвенные принадлежности не промыты, а я насчёт этого аккуратный. Не знаю, но меня тогда сразу пот прошиб, как ударило. Люди охотно верят тому, чего желают. Вот и я решил для себя: она, стерва, совсем зарвалась, на моей постели чужого мужика принимает. Поймаю, обоих убью!.. И уж потом от этой мании, веришь, Сашок, прохожу мне не было... И поймал, захватил обоих!

Матков аж вздрогнул от того, как вспыхнул его начальник при последней фразе. Голос изменился, злость обрел.

Почти выкрикнув последние фразы, Квашнин словно очнулся, узрел, что он не там, не в квартире несколько лет назад, а здесь, в полном одиночестве ночью на острове среди бурлящей реки, и остановился, вернулся в действительность. Голос его потерял живость, осип совсем.

– Её я трогать не стал. Едва открыл дверь, дал ей убежать. А фраер её таксистом оказался. Машина там же у дома стояла. Не думали они, не гадали, что я появлюсь к вечеру. Когда я разговор с ним повёл, он, не теряясь, выдал мне, что не первый раз гостит здесь. Я слушал,

слушал его наглости, а с пушкой был, вытащил ствол и перед собой положил... Поначалу пару раз ему врезал, не без того... Потом спрашиваю: любишь её? Он молчит, лыбится, тебе, мол, какая разница до наших отношений, убивать будешь, – убивай. Я ему, – такой падалью руки марать не собираюсь. А самого разбирает, руки трясутся, хоть в карманы прячь! Он тоже весь в истерике, завелся. Кричит, что боишься, мент штопанный, стрелять-то не умеешь. Пушку для ворон носишь, отпугивать. Я ему, заткнись, мол, убью. Он хват со стола яблоко, фрукты у них разложены были, на голову себе ставит. Стреляй, мне кричит, проверим твои способности. Я весь взбесился, себя не помню, не целясь навскидку и по яблоку. Всю обойму разрядил бы, только её там не было. В стволе один патрон оставался. Его ихватило. Он даже руки убрать не успел с башки. Заорал, за голову схватился. Мат-перемат, стонет, кричит, по полу катается. Я враз отрезвел. Не знаю, что делать. Стою посреди комнаты, в руке пистолет. Мужик на полу у постели вертится. Смотрю, у него кровь сквозь пальцы. Я к телефону, врачей вызывать. Он мне, как я номер набирать начал, кричит: «Положь трубку!» Я не пойму, не врублюсь; вроде в башку ему попал, а он разговаривает, значит, живой, не насмерть. Подковылял он к телефону, сам стал звонить. Приехали два друга его, тоже таксёры. Перебинтовали и увезли. Я до вечера в хате просидел, к ночи напился. Не помня себя, уснул. Утром звонят его дружки – всё, начальник, никуда не бегай, не трясись, Димка молчать решил, свою бабу уйми. Я им, мол, давайте встретимся, а они мне, – время придёт, сами найдём. Считаю – ничего не было. Доктор обещает – заживёт, как на собаке, раз сразу Богу душу не отдал. Не знал он, что ты из ментов, стерва твоя ему мозги дурила, о тебе молчала. Живи спокойно.

Квашнин оторвал глаза от бездонного тёмного небосвода, глянул на водную гладь:

– Как там у нас?

– Всё тихо, Пётр Иванович, – заверил его Матков.

– Машка ко мне больше не вернулась. Знала, что не приму. Даже за вещами своими не пришла. Я сам потом собрал их и матери её сгрузил. Но пошла уже молва гулять. Правильно говорят: шила в мешке не утаишь. Дошло до анекдотов среди милиционеров, я сам как-то по пьяне проговорился. Одна сказка – на другую, вырос снежный ком, чуть ли не история про милицейского Вильгельма Теля. Меня начальство – в оборот. Я не дурак, сам на себя стучать не буду, хотя чуть было душу не открыл, но сдержался. Оказалось, действительно таксист тот из больницы выписался, подсылали к нему наших кадровиков из спецслужб, он отказался давать показания, говорит: несчастный случай, с ружьём баловался по пьяни. Я ему ухо чуть надорвал, а так на башке ничего не задел. Ну и конечно, историю болезни его никто не смотрел, раз заявления нет от больного, значит, и дела нет...

Квашнин помолчал и закончил свой необычный рассказ:

– А меня сюда к вам отправили только без майорских погон, которые в городе заработал; большую звёздочку – долой. Но что грустить, Сашок, их опять больше стало, целых четыре, как на небе сейчас перед нами... Вот так и не везло мне на порогах... А всё эти, будь они не ладны, бабы!

Квашнин потёр руки, пошлёпал себя по карманам, повертел в руках пустую фляжку:

– Ты, Сашок, конечно, запаса на ночь-то?

– Службу знаем, товарищ капитан, – лихо и весело вскочил Матков и полез за пазуху.

– Однако стоп! – одёрнул его Квашнин. – Глаза на воду... Вот где мне везёт! Смотри, появился, голубчик, заждались которого...

Вдоль тёмной стены камыша скользнула бесшумная лодка. На ней отчётливо в лунном свете просматривалась фигура единственного гребца за вёслами.

– Отчаянный чёрт... Один идёт. Ну, встретим... Давай, Сашок, команду ребятам, пусть пропускают его к нам. Там за ним сейчас Камиев должен показаться. Чтобы они майора за чужого не приняли.

– Майор Камиев?

– А ты как думал? Камиев убийцу ведёт из самой деревни, а может, и из дома. Я тебе не говорил, чтобы не накликать чего раньше времени. Суеверный я, Сашок, стал до ужаса после этих бабских штучек-дрючек. Примета появилась. Не обижайся.

– Какие обиды, товарищ капитан?..

– Ну и славненько. Давай, команду пацанами. Они здесь останутся. Пусть нас ждут и Камиева, а мы с тобой на шлюпке за этим лодочником пойдём. Брать будем на снастях, когда он их снимать начнёт.

Матков пропал в темноте в береговых зарослях, только волны пошли от его мощного засидевшегося тела, и скоро возвратился.

Лодка с неизвестным гребцом миновала укрытие милиционеров на острове, проплыла дальше. Камиев не появился.

– Что-то случилось с Жамалом, – занервничал Квашнин, – а ждать больше нельзя. Пошли вдвоём. Лихо двигается этот дьявол. Не пропал бы с фарватера совсем. Терять из виду нам его нельзя, давай за мной!

Квашнин и Матков прыгнули в заросли береговой растительности, и их фигуры, слившись с тёмной шлюпкой, устремились в погоню за уплывающей лодкой.

Прошли середину острова. Неизвестный не проявлял признаков тревоги или беспокойства, уверенно работал вёслами, заметно опередив преследователей, но шест, которым мощно толкался на корме шлюпки Матков, и вёсла Квашнина выровняли ситуацию. Затем Квашнин вынужден был шёпотом отдавать команду старлею умерить пыл, чтобы шумом и плеском воды не спугнуть неизвестного.

«Если пройдем остров и он не остановится, – подумал Квашнин, – придётся догонять беглеца и приступить к захвату, иначе выйдет на чистую воду и к нему не подобрёшься...» Но домыслить он не успел. Лодка впереди замедлила ход, стала разворачиваться на течении, никем не управляемая.

Неизвестный, удобно устроившись в лодке, начал осторожно перебираться по снасти, аккуратно высвобождая её из воды и бережно укладывая на днище. Орудия ножом, как бритвой, он иногда застревал на каком-нибудь страшном крючке, чтобы вырезать и освободить зацепившуюся величественную ещё некоторое время назад царственную рыбу, выбрасывая теперь её уже мёртвое тело в рвущуюся в быстром течении тёмную бездну реки. Рыба, ещё живая или уже загибая, ему была не нужна. Его целью была снасть, – единственное свидетельство его причастности к событиям, не так давно происшедшим здесь, и он её по-хозяйски извлекал из воды. Работать ему было тяжело, неудобно и опасно. Ошибись – и острый крючок, злодейски вцепившись в руку, ногу, одежду, опрокинет и утащит на дно, где сам станешь кором подвальной живности. Однако неизвестный, рискуя жизнью каждую минуту, справлялся со снастью и с могучей силой реки.

Квашнин, наблюдая за ним, пытался различить в движениях, повадках, очертаниях фигуры знакомые приметы; ругал себя в который раз, что отказался от помощи Камиева. Майор, знавший в деревне каждую собаку, давно бы опознал злодея, а случись это, считай, полдела было бы сделано. Можно ли ожидать сопротивления от нарушителя, когда его наверняка узнали? Покличь его по имени за таким опасным занятием, и он сам подымет руки.

Между тем лодка с нарушителем благополучно вырвалась к середине реки; освещаемая луной, она и он, весь отдавшийся занятию, прибывали, как на ладони. Квашнин и Матков в чёрной береговой глуши чакана и камышей были неслышны и невидимы глазу. Момент самый подходящий.

– Саша, бери парад на себя, – шепнул Квашнин Маткову, осторожно извлекая из кобуры пистолет и снимая предохранитель, – у меня что-то голос сел.

Сырость реки изменила твёрдость его голоса, обильная влага появилась на лбу и бровях, застилала глаза. Второй раз в жизни ему представлялась необходимость стрелять по человеку,

но рука и в этот раз не дрожала, а пот он тщательно обтёр со лба скомканной в твердом кулаке фуражкой.

– Эй, на лодке! – гаркнул изо всех сил Матков так, что, казалось, мегафон загулял по реке. – Суши вёсла! Стоять! Милиция!

И тут же Квашнин, снимая напряжение и для верности, остерёг преступника, пару раз пальнув в воздух.

Человек на лодке вскочил и замер, от едва заметного толчка ноги снасть тяжёлым комом упала за борт. Незнакомый уловил, что опасность грозит ему с берега, но засады ещё не видел. Паники и испуга в его действиях не наблюдалось. Он ожидал.

«Матёрый волчище, в штаны не наложил», – подумалось Квашнину.

– Не дури! – ещё громче крикнул Матков. – Давно в кольцо у нас! Суши вёсла!

Квашнин для острастки лупанул из пистолета над лодкой. Если в лодке вор опытный, должен знать: все условности в отношении него милиция исполнила, теперь рыпнешься – и дырку в шкуре заработаешь сразу.

Демонстрируя покорность, человек опустился на дно лодки, не двигалась.

– Ну вот и славненько, – Квашнин сунул пистолет в кобуру, подхватил багор с днища, крикнул Маткову: – Давай, Саша, толкайся! Я его аккуратно зацеплю.

И их шлюпка, подчиняясь сильным толчкам Маткова, ловко выскочила из тёмных береговых заводей и полетела по гладкой поверхности реки к её середине. Одновременно с этим кончилась игра в жмурки – неизвестный обрёл возможность видеть противника. Он подождал, оценивая ситуацию. Никакого кольца милицейского не было и в помине. Врагов двое, и оба они, не ведая того и уж, конечно, не желая, допустили роковую ошибку. В руках у них были деревянные: багор и шест. И стояли они на шаткой шлюпке, мешая, а не помогая друг другу. Да и расстояние между лодкой и шлюпкой не такое, чтобы схватиться врукопашную, где преимущество будет на их стороне.

Оценив всё это, бандит перешёл к активным действиям.

– Ложись, Сашка! Ложись! – заорал что есть мочи, Квашнин, но упал сам, придавленный сверху свалившимся на него тяжёлым грузом старлея, и ткнулся в днище лодки, разбив в кровь нос.

В последнюю секунду он с ужасом для себя увидел, как у неизвестного неведь откуда в руках появилось ружьё. Подряд грохнули один выстрел за другим. Треск пошёл по шлюпке, дробь запрыгала над головой. Пробуя вывернуться из-под тяжёлого тела Маткова, Квашнин попытался выглянуть наверх, но сделать это было не под силу. Их шлюпка продолжала двигаться по инерции; неизвестный, видимо, перезаряжал оружие. Передышка длилась недолго, хватило времени Квашнину лишь дотянуться до кобуры и прогремели следующие два выстрела. Незнакомый крушил их шлюпку откровенно, уверенно и безнаказанно, не трогая милиционеров.

В ситуации, в которую угодили нападавшие, верх был уже у браконьера. Грохнули ещё два гибельных выстрела. Шлюпка совсем остановилась, не управляемая никем, она заскользила вниз по течению, удаляясь всё дальше и дальше по реке.

– Сашок, ты цел? – выдохнул Квашнин, почувствовав под собой воду, стремительно заполнявшую шлюпку.

Вода бурлила, но к её пугающему бульканью добавился ещё один звук. Этот звук нельзя было перепутать ни с чем. Заработал подвесной мотор. Откуда? Звук шёл от лодки нарушителя! Это конец... Его, прославленного капитана Квашнина, известного грозу шпаны, воров и бандюганов, провёл какой-то браконьер!

– погоди! Рано нас хоронишь, сука! – услышал вдруг Квашнин голос Маткова.

Тот, распластавшись на корме тонущей шлюпки, медленно двигал длинным стволом в направлении запрыгавшей под шустрым руль-мотором браконьерской лодки. Квашнин затих,

боясь малейшим звуком или движением помешать старлею. Грохнул, раскатившийся эхом по ночной реке, выстрел. Это было что-то внушительное, как если бы пушка вдруг ударила, неизвестно откуда появившись. Снаряд, шелестя веером искр, вспарил в воздух, устремился к лодке и, настигнув её двигатель, врезался в металл с жадностью зверя. Мгновением позже ослепительная вспышка взрыва озарила окрестность, и то, что осталось от лодки, начал жадно поглощать огонь. Что творилось дальше, наблюдать было некогда, Квашнина привлёк тяжкий стон Маткова. Он бросился к тому, уже хлюпая в воде. Матков держался обеими руками за бедро.

– Слегка задело, Пётр Иванович, – будто извиняясь, оправдывался он, – пустяки.

– Дай-ка, я гляну, – Квашнин осторожно освободил рану от одежды. – Сейчас, дружище, всё будет, как в лучших домах Лондона.

В темноте, где глазом, а где на ощупь, он понял, что ранение ноги старшего лейтенанта не опасное. Вместо дробы кусок острой древесины, расщепленного выстрелом весла, глубоко врезался в бедро старлею, вызвал кровотечение и причинял страдание.

– Двигаться можешь? – с надеждой спросил Квашнин.

Матков, стиснув зубы, покачал головой.

– Придется её вытаскивать, – поглаживая громадную занозу, как ребёнка, нараспев протянул Квашнин и вдруг резким рывком, найдя удобное место на древесном осколке и цепко ухватив его рукой, рванул на себя.

– Ё моё!.. – задохнулся в крике старлей.

А Квашнин уже крепко обматывал ему рану порванной на себе форменной рубахой, приговаривая:

– Ты что же, бедолага, в него из ракетницы пальнул? Не надеялся из пистолета попасть, а?

– Так верней, товарищ капитан, – возразил старлей.

– Ну как теперь? Попробуешь подняться?

– Пожалуй, да, – Матков попытался встать, но упал, охнув и закрыв глаза.

– Однако... – заскрипел зубами Квашнин, – нам бы, Сашок, с тобой теперь до берега добраться. Пловец из меня не ахти.

Вода плескалась в тяжелевшей с каждой минутой посудине. Квашнин только теперь оглядел то, что осталось от их злосчастной лодки: зрелище было неутешительным, она едва держалась на поверхности воды.

Квашнин поморщился, не находя слов, сплюнул, бросил злой взгляд к месту взрыва. Кроме обломков, чадящих в ночи гарью и дымом, над водой ничего не было видно. Пропал и неизвестный.

*Qualis dominus, talis et servus*⁵

Чудная погода!

Прекрасный день!

И несказанно привлекательной казалась прогулка на воде под свежим ветерком, не случись оказии.

На пирсе, у аккуратного воздушного мостика на белый кораблик, дряхлая старуха перекрыла дорогу комиссару милиции, чуть не бросившись ему под ноги. Рванулся вперёд подполковник Каримов, остеречь непутёвую, но замер под повелительным жестом Даленко, застыл, окаменев.

– В чем дело, гражданка? – вперил в бабку жёсткий взгляд Каримов.

Та, ещё не остыв, поворачивалась то к одному, то к другому милиционеру; в звёздах на погонах она не разбиралась, поэтому полагалась на свою житейскую логику. Тот, который её чуть было не схватил в объятия, был ловчее, тонок и привлекательней. Но грозен. Второй –

⁵ Каков господин, таков и слуга (лат.).

тяжелее на ногу и спит на ходу, но солиднее и с красными лампасами на штанах. Затесавшийся между ними прозрачный Соскин вообще её не интересовал.

Она ухватила комиссара за рукав мундира, не ошиблась.

– Миленький, я за своего Мишку просить хочу!

Даленко внимательно изучал просительницу, руку не одёргивал, ждал.

– Сынок мой с Фирюлиным Акимкой водился. Акимку-то выловили ловцы. Мово нет до сих пор. Живой он или как? Искать будете? Что делать-то?

Старуха, сухая, как ветка, лет семидесяти-восемидесяти на вид, твёрдо передвигалась на собственных ногах, и увесистая клюка выше головы внушительно удерживалась ею в руке скорее от уличных собак, нежели для опоры.

– Товарищ комиссар, – уловил суть обращения Каримов, – это, скорее всего, мать Дятлова Михаила. По сведениям моих оперативников его видели с утопленником, вместе они при жизни браконьерничали.

Не останавливаясь, он повернулся к старухе:

– Поисками твоего сына мы уже занимаемся. В деревне находится сейчас участковый Суворин, обратись к нему. Напиши заявление. Знаешь своего участкового?

– Как же, знаем, – степенно отвечала бабка. – Он сегодня был у меня. Расспрашивал. И Камиев заглядывал. Но мне главного вашего надо увидеть. С Мишкой и лодка наша пропала, а что он без лодки? Где концы искать? В колхоз идти?

– Сына отыщем, мать, – заговорил комиссар, которого просительница так и не отпустила, – но тут дело непростое. Время понадобится, чтобы разобраться. Все вести у участкового спрашивай. А это... – Даленко кивнул в сторону вытянувшегося подполковника, – это ваш начальник милиции. Он и сообщит, как найдут.

Старуха понимающе закивала головой:

– Лодка совсем хорошая была, Мишка её весной только проконопатил, просмолил. Новая почти.

Комиссар был уже на катере, Соскин давно суетился в рубке капитана, Каримов запрыгнул на борт последним. Старухе действительно клюка нужна была для собак, одна неугомонная облаивала её до тех пор, пока лёгкий катерок не скрылся из вида.

Всю остальную дорогу до райкома молчали, один угрюмо, другой послушно; Соскин не интересен был никому. Комиссар, углублённый в себя, иногда справлялся у Каримова о каком-нибудь населённом пункте на берегу. Тот старался обстоятельно рассказывать, но что расскажешь о двух десятках изб? Обстановку в районе подполковник давно уже доложил, а говорить об убийстве?.. Какой смысл, когда ничего не ясно. Квашнин проинформирует, вероятнее всего, только к вечеру, если будут новые сведения.

– Странная какая-то эта стрельба, – вдруг проговорил комиссар. – В этой деревне когда последний раз убивали?

– Последнее убийство в районе было полтора года назад, а в этой деревне совсем ничего подобного не припомню. Здесь не город, товарищ комиссар.

– Патриархальная тишина, – процедил сквозь зубы Даленко, – спящее царство.

Они сидели вдвоём на корме шустрого катера, спрятавшись от ветра за капитанской рубкой; спустя час-полтора пути свежесть и прохлада превратились в опасность, и Каримов уговорил комиссара перебраться в эту часть корабля. В каютах и кубрике было душновато, к тому же особенно не поговоришь при посторонних. А поговорить с комиссаром Каримову очень хотелось. Он всё-таки не отчаивался услышать мнение начальства по поводу пойманного утопленника.

– Гастролёры городские не поделились с вашими местными бракашами, – ни к кому не обращаясь, выдал из себя Даленко.

Каримов ловил каждую его фразу.

– У меня есть все основания полагать, что Дятлов тоже скоро обнаружится, – многозначительно вставил Каримов, так и не дождавшись продолжения от Даленко.

– Ты скажешь! У него есть основания... – откровенно хмыкнул комиссар и сплюнул за борт. – Мне задницу твоими основаниями подтирать! Завтра «самому» докладывать, а у тебя – основания...

Каримов прикусил язык.

– И думать нечего – на дне и второй! В низах, у моря сегодня-завтра его вылавливать. Искать на раскатах нужно, пошлю туда местных оперов и вертушку добавлю. Если не зацепится нигде, подтвердятся твои основания. – Даленко напряжённо хмыкнул, получился всхрип возмущённого могучего жеребца.

Каримов даже вздрогнул, продолжая ругать себя, – вот ляпнул! Но от своего отступить не собирался. Чувал, он на верном пути, только Даленко не успел ухватиться за его удачную находку.

– Я к чему говорю, товарищ комиссар, – снова начал он искать подходы к Даленко, когда тот успокоился, – отношения между этим утопленником и пропавшим Дятловым развивались не на мирной основе.

– Кончай ты свою дипломатию! – оборвал его Даленко. – Проще говори! Крутишь вокруг да около.

– Поколачивал утопшего Медведь.

Комиссар заинтересованно взгляделся в подчинённого, явно стараясь осмыслить услышанное.

– Медведь – это кличка Дятлова, – начал осторожно развивать удачную находку начальник райотдела. – Он с Фирюлиным дружбу водил только ради промысла, а так, в общении, не уважал его. Аким – уголовник, авторитетом в деревне не пользовался, хотя и отсидел в колонии за продажу краснухи. А может, как раз, что был судимый, поэтому и уважением не пользовался. Да и чужак он, в деревне так и не прижился, хотя бабу себе нашёл. Так городским его и считали, а за воровские замашки не терпели. В колхозе к работе его Деньгов так и не допустил, а Тихон Жигунов гонял его от рыбаков. Мне докладывали, что даже поколачивал он Фирюлина, когда тот на тони нос совал. Как-то избил, хоть в больницу вези, но я хода делу не дал – Аким заявление писать отказался. И от дружка его, Дятлова, Гнилому доставалось. И не раз. Вот какая интересная закавыка. Не всё у них миром было между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.